

HARLEQUIN®

NEW YORK TIMES & USA TODAY
BESTSELLING AUTHOR

Если вы любите леденящие душу
триллеры и пламенные истории
любви, то лучше романов
Камерон вам не найти.

Тесс Герритсен

Стелла Камерон

Тот,
КОГО ищут

Чем больше в романе жертв
и смертей, тем ярче и
эротичнее становятся сцены.

Publishers Weekly

ПРОДАНО БОЛЕЕ 11 МИЛЛИОНОВ ЭКЗЕМПЛЯРОВ

Стелла Камерон

Тот, кого ищут

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=643595*

*Тот, кого ищут: Центрполиграф; М.: 2011
ISBN 978-5-227-02725-2*

Аннотация

Пластический хирург Макс Сэведж приехал с братьями в Туссэнт, чтобы открыть клинику. Неожиданно в городке стали пропадать женщины, а позже находили безжизненные тела некоторых из них. Подозрения пали на Макса: когда-то давно также таинственно исчезли две его подруги и убийца не был найден. Хирурга охватило беспокойство, что всем, кого он любит, угрожает опасность. Его девушку Энн Дьюгон посещали страшные видения. Огонь, дым, крики какой-то женщины и человек в плаще с капюшоном. Кто была эта женщина? Может, сама Энн?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	31
Глава 5	35
Глава 6	53
Глава 7	61
Глава 8	81
Глава 9	94
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Стелла Камерон

Тот, кого ищут

Глава 1

Луна напоминала круглую белую вафлю, от которой откусили большой кусок. Бродить по тихим ночным безлюдным улицам в одиночестве – не самое лучшее занятие, даже если эти улицы залиты лунным светом. Но оставаться одной в пустой квартире, перемежая полусон с полуявью, обливаясь холодным потом и безуспешно пытаясь справиться с холодящим страхом, – пожалуй, еще хуже.

Энн Дьюгон медленно пересекала городскую площадь провинциального города Туссэна в штате Луизиана. Луна, выглядывающая из-за плотного серого облака, бледным светом освещала дорогу, вдоль которой росли сикоморы и возвышались городские здания.

Теплый бриз успокаивал. Накануне в городе состоялись праздничная распродажа и ярмарка. Между деревьями раскачивались светящиеся гирлянды, оставшиеся после Рождества.

Но все-таки надо было придумать что-нибудь получше, чем бродить по ночным улицам и разглядывать иллюминацию. Нужно вернуться домой и запереться в квартире, рас-

положенной на втором этаже. На первом этаже этого же дома были книжный магазин и кафе «Голодный взгляд», принадлежащие Джо Гейблу, единственному юристу, практикующему в городе, и его жене. Им же принадлежала квартира, которую снимала Энн. Супруги Гейбл жили по соседству, и Энн всегда была у них желанной гостьей. При необходимости девушка могла обратиться к ним за помощью в любое время.

Конечно, Энн могла им все рассказать.

Помогите, меня снова посетило видение! Эти видения появились у меня две недели назад, они становятся страшнее и страшнее с каждым днем. В этих кошмарах гибнет человек. Женщина. Может быть, я.

Но что они могут сделать?

Потрепанный пикап с лязганьем проехал мимо и свернул влево. Энн видела, как он припарковался на площадке у бара Мерфи, сверкавшего неоновыми огнями. Подумать только, в этот предрассветный час кому-то хотелось повеселиться в компании других людей.

Энн жила в городе всего семь месяцев, и это были семь месяцев счастья, такого счастья, которого она не испытывала никогда раньше. Но последнее время ее стали преследовать страшные ночные видения, видения ужасного злодеяния, видения смерти. Они возвращались снова и снова, и Энн не могла с этим справиться.

Энн продолжала идти вперед. Минут за десять она добра-

лась до светившейся в темноте церкви Святой Сесилии, за которой поблескивала гладь реки. На другой стороне улицы стоял дом священника.

Энн вышла к реке, слушала плеск воды и смотрела, как волны набегают на погруженный в темноту берег. Вокруг кипела ночная жизнь. Квакали лягушки, мелкие зверьки шуршали под кустами. Что-то большое медленно двигалось по воде – бревно или большая крыса – в темноте различить было невозможно. Мысль о крысах потянула за собой другие воспоминания – то, о чем Энн хотела забыть раз и навсегда.

Она резко повернулась и пошла обратно. Бриз перешел в сильный ветер, он гнал опавшие листья, и они прилипали к обнаженным ногам девушки. Громко крикнула птица, Энн вздрогнула и пошла быстрее.

Она снова оказалась около дома священника. Окно кухни в задней части дома светилось гостеприимным светом, но девушка знала, что хозяин дома скорее всего спит. Настоятель церкви отец Сайрус Пейн всегда оставлял свет на кухне, чтобы прохожий, нуждающийся в помощи, не побоялся за ней обратиться.

Отец Сайрус был человеком редких достоинств.

От быстрой ходьбы девушка разгорячилась, лицо ее покраснело. Энн ускорила шаги, но странный пугающий звук становился все сильнее. За витражными окнами церкви мерцал слабый свет. Девушка замерла, чтобы перевести дыхание и дать успокоиться сердцу, колотящемуся так сильно, будто

вот-вот готово было выпрыгнуть из груди.

Энн тихонько открыла калитку в белой ограде, окружавшей церковный двор, вошла внутрь и двинулась по проходу между могилами к боковому входу в церковь.

Энн никак нельзя было назвать примерной прихожанкой. Последний раз она посещала службу еще подростком. Тогда церковь занимала важное место в ее жизни, но Энн оступилась, и община сочла это таким страшным грехом, что девушке запретили появляться в храме.

Для матери это стало потрясением, и она переживала беду дочери сильнее, чем сама Энн.

Сжав зубы, Энн поднялась по ступенькам, вошла в маленький вестибюль и взялась за ручку двери, ведущей непосредственно в храм, в полной уверенности, что дверь закрыта. Но дверь открылась, и Энн вошла внутрь.

Чугунная витая решетка отделяла боковой придел церкви. Энн просунула ладонь между прутьями, отодвинула засов и вошла внутрь. На маленьком алтаре горели свечи. Расшитая золотом алтарная завеса поблескивала в их мерцающем свете. Запах ладана и увядающих роз, свисающих из стеклянной вазы, дурманил и успокаивал.

Розы напомнили Энн о цветах, которые приносят на похороны. Их всегда хранят слишком долго, потому что после того, как их выбросят, невосполнимость потери будет ощущаться еще сильнее. Смерть – окончательный приговор, но пока целы надгробные венки, пока праздник жизни не воз-

обладал над горечью потери, пока не рассеялись сочувствующие, те, кто глубоко скорбит, еще не в полной мере чувствуют его неотвратимость.

По ночам, когда сон бежал от нее, ее часто посещали видения, которые казались почти реальностью. Она боялась их и тех мыслей, которые они вызывали.

Энн вошла в молельню, и чугунные решетчатые ворота закрылись за ней. Она опустилась на скамью с высокой резной спинкой, которую украшали изображения зверей, птиц и растений, откинулась назад и закрыла лицо руками. Что она должна делать и что сможет сделать? Ночные видения посещали ее все чаще, эпизоды страшной драмы вставляли перед ней во сне, а последнее время возвращались яркими вспышками и наяву. Энн поняла, что должна и может сделать, и прямо сейчас она будет молиться и просить Господа освободить ее от страшного груза.

Энн решила не возвращаться домой до утра. Церковь Святой Сесилии казалась ей более безопасным местом. Зло не посмеет войти в дом Бога.

Время шло, голова становилась все тяжелее, Энн клонило ко сну. Если подойти к дому священника и постучать, отец Сайрус откроет дверь, пригласит зайти, выслушает, успокоит и оставит переждать тревожную ночь.

Но Энн подумала, что нехорошо будить уставшего за день священника, который всегда был к ней так внимателен, и пересказывать ему свои фантастические ночные видения. А го-

ворить о том, что произошло с ней в реальной жизни, не отпускало и тянулось шлейфом с давних времен, она была не готова. Ни с отцом Сайрусом, ни с кем-то другим. Никогда.

Энн приехала в Туссэн, потому что получила хорошую работу – должность управляющего рестораном и дансингом «У Паппи», на северной окраине города. Энн впервые побывала там, когда вернулась в школу, и ей сразу захотелось там работать, а может быть, со временем стать хозяйкой похожего ресторана. Она понимала, что это слишком смелые мечты, которые вряд ли когда-нибудь станут явью. И вот пришло время, они начинают сбываться.

И еще один сюрприз – Энн встретила доктора Макса Сэведжа. Он часто заходил в ресторан после того, как заканчивалась обеденная гонка. Пока Макс обедал, Энн сидела рядом с ним и они беседовали. Это стало привычным. И Энн ждала его прихода с нетерпением.

Макс вместе с братьями Роджером и Келли собирались открыть клинику пластической хирургии в окрестностях Туссэна. Роджер тоже был врачом, а Келли отвечал за организационные вопросы. Со временем братья планировали собрать в своей клинике штат опытных специалистов.

Пару раз Энн и Макс выходили вместе пройтись, и Макс просил считать его другом. Энн с радостью согласилась бы, но в прошлый раз, когда она приняла такое же предложение, все закончилось не очень хорошо. Печально закончилось, почти трагически.

И меньше всего Энн хотела, чтобы Макс узнал о ее прошлом, да и о теперешних трудностях она ему рассказывать не будет.

Трудно было найти двух человек, настолько непохожих друг на друга, как Энн и Макс. Он – известный врач, получивший прекрасное образование и успешно практикующий в области пластической хирургии. Из очень состоятельной семьи. Семью Энн состоятельной назвать было никак нельзя, и за каждый шаг вперед ей приходилось бороться. Энн получила высшее образование в области менеджмента, которое также нельзя было назвать отличным, но по большому счету она гордилась своими достижениями. Новая работа также была для нее шагом вперед.

Дело в том, что Энн планировала остаться в Туссэне, где она уже многого добилась. Ее усилиями ресторан «У Паппи» за несколько месяцев превратился в самое популярное место в городе. К ним приезжали со всей округи. Энн привыкла полагаться только на себя. Теперь, что бы ни случилось, она не вернется к семье в Пойнт-Юду, городок, расположенный недалеко от Туссэна. Она любила своих родных, но больше в них не нуждалась. Теперь она могла выжить без посторонней помощи.

Не отрывая взгляда от горящей свечи, Энн свернулась калачиком на мягком сиденье. Здесь можно остаться до рассвета. Девушка зевнула и задремала.

Мужчина держал перед собой фонарик, желтый луч света бил вперед, но лицо оставалось в тени, и Энн не могла его разглядеть. Луч света резко дергался из стороны в сторону. Энн чувствовала, как что-то тяжелое тащи́ли по земле, по опавшим листьям и камням, по сучьям. Раздался клацающий звук, как будто металл ударялся о камень, этот звук она слышала каждый раз в своих кошмарных видениях. Энн слышала тяжелое прерывистое дыхание мужчины. Сама она от страха тоже тяжело дышала, рот и горло пересохли. Что, если он слышал ее? Энн знала, что он тащи́л за собой.

Ее взгляд пылал гневом. Каждый раз повторялось одно и то же. Слишком часто, слишком много раз.

Мужчина бросил свой груз и пошел вперед, освещая фонариком ковер из опавших листьев.

Начался дождь. Энн видела, как тяжелые струи сбивали листья с деревьев на землю. Она могла разглядеть каждый листок.

Над головой скрипели на ветру переплетенные тяжелые ветви деревьев.

Подними мужчина голову, он бы сразу увидел Энн. Она была совсем рядом.

Знакомый и страшный запах проникал в ноздри. Запах крови и обгоревших волос. Никакой ошибки быть не могло. Энн помнила его, но раньше он никогда не был таким отчетливым.

– Ну вот мы и пришли, – сказал мужчина спокойно и удовлетворенно. Так мог сказать отец, гуляющий с детьми, добравшись, наконец, до лотка с мороженым, который они долго искали.

Опять послышалось звяканье, блеснуло стальное полотно новой, ни разу не использованной лопаты.

Женщина лежала на земле рядом с ним. Пустые черные выгоревшие глазницы, остатки обгоревших волос.

– Ну вот мы и пришли, – повторил мужчина и остановился. Копать не понадобилось. Он разгреб листья, под которыми темнела яма, и удовлетворенно вздохнул.

Женщину он поднял с такой легкостью, будто она ничего не весила, и опустил ее головой вперед вниз, в яму, которая поглотила окостеневшее тело, покрытое остатками обгоревшей ткани.

Энн бросилась к нему с криком: «Верни ее! Отдай ее!» Но стоило ей приблизиться к нему, как он обратился в столб пламени и исчез. Энн почувствовала сильную боль и закричала.

Энн упала на колени, подняв руки, и ударилась лбом о край алтаря. В этот момент она слышала шорох пламени, бегущего по ткани.

С трудом открыв глаза, Энн заметила странное движение в дальнем приделе церкви. Мужская фигура в плаще с капюшоном. Фигура из снов. «Нет», – прошептала Энн, и фигура

исчезла. Вокруг никого не было.

Энн окончательно пришла в себя. Она поправила горевшую свечу, которую задела рукой, и загасила рассыпавшиеся искры льняным покрывалом с шелковыми кистями, которое украшало алтарь. В ризнице девушка опустила руки под струю воды.

Боль стихала. В приделе церкви Энн нашла аптечку первой помощи, наложила повязку себе на лоб, перевязала обожженную руку, потом вернулась в молельню и сняла покрывало с алтаря – теперь можно было стереть черные пятна с мрамора.

Она, конечно, оплатит новое покрывало. Обязательно оплатит.

– Не бойся, Энни, – раздался у нее за спиной спокойный мужской голос.

Энн закричала от ужаса. Наступило прозрение. Та женщина, которая являлась ей в снах, та несчастная, чьи сдавленные крики она слышала в ночных кошмарах, – это была она, Энн. И теперь сны становились явью. Энн резко обернулась и бросилась на незнакомца.

– Энни, это я, отец Сайрус. Успокойся. Я пришел за тобой. Тебя повсюду ищут.

Глава 2

Привет, Макс!

Давненько я тебе не писал! Ты уж прости меня.

Ты уже подобрал себе следующую жертву?

Как тебе понравился Лондон? Разумный шаг с твоей стороны – уехать. Достаточно далеко, чтобы затеряться в британском медицинском братстве, но не слишком далеко, чтобы нельзя было наблюдать за тем, что делается здесь. Ты, я думаю, был приятно удивлен тем, как быстро в Штатах забыли и о тебе, и о твоих забавных привычках. Но для меня это не сюрприз.

Средства массовой информации непостоянны. Их внимание быстро переключается с одного факта на другой, но это означает, что они постоянно в поиске. Они охотятся за новыми историями – или за продолжением старых, таких, например, как твоя.

Кстати, ты потерял близкого друга в Лондоне? Ты знаешь, о каком друге я говорю. О женщине. Если потерял – то ты хорошо спрятал концы в воду. Мы ничего об этом не слышали.

Есть несколько вопросов, которые я хотел бы тебе задать, и, надеюсь, когда-нибудь я получу на них ответы. Почему ты уродуешь свои жертвы? Уж не потому ли, что ты – один из немногих, кто мог бы исправить любые уродства,

если бы захотел? Неужели эта мысль посещает тебя?

Ты рассказываешь им о том, как они будут выглядеть после? Ты напоминаешь им, что сможешь залечить их раны, – а потом смеешься и говоришь, что мертвых женщин ты не лечишь?

Ты вернулся. Это плохо, очень плохо. Но мы извлечем из этого максимальную пользу. Ты выбрал тихий старомодный уголок – впрочем, это не самое лучшее место, чтобы спрятаться. Одно неосторожное слово – и весь город будет следить за тобой. Стоит тебе сбиться с пути – и вечно спящий Туссэн проснется, и все внимание будет приковано к тебе.

Будь очень осторожен, доктор, думай, с кем ты встречаешься. Держись подальше от шлюх. Ты же знаешь, как быстро и с каким удовольствием средства массовой информации разнесут новости о тебе по всей стране, – они уже сделали это однажды и с радостью распнут тебя в следующий раз – если этот следующий раз будет. Но это уж как ты захочешь. Постарайся контролировать себя.

Помнишь, в первом случае обвинение было снято за отсутствием улик. Бедная Изабель. Во втором случае – то же самое. Кэрл была так сексуальна, помнишь?

И как тебе удалось ждать так долго, прежде чем ты убил во второй раз? Или ты не ждал? Возможно, еще одна женщина умерла между этими двумя, но никто не связал этого преступления с тобой.

Третий случай, если его раскроют, радости тебе не доставит.

Не знаю, почему я теряю свое время, пытаюсь помочь тебе. Убийца однажды – убийца навсегда. Ты сделаешь это снова – и, возможно, очень скоро, если мне не удастся тебя остановить.

Почему бы тебе не показать это письмо кому-нибудь? Тому, кто сможет тебе помочь? Конечно, не твоему брату Роджеру, не ему. Кажется, что семейные связи удобно использовать, но это всего лишь видимость. Роджер скажет тебе только то, что ты сам захочешь услышать. Келли тоже не годится. Он подумает в первую очередь о себе и запаникует. Лучшие держись от него подальше.

Отдайся на милость закона. Скажи правду и покажи это письмо. Скажи, что оно от твоего лучшего друга, единственного искреннего и честного друга. Попроси их запереть тебя покрепче, пока ты не совершил снова чего-либо ужасного.

Желаю удачи.

Я не подписываю свои письма к нему. Зачем подписывать? Он должен знать, что я стараюсь вести себя разумно.

Сейчас он чувствует себя в безопасности, ему кажется, что, наконец, он скрылся от меня. Но этого не будет никогда.

Глава 3

– Ремонт нужно было закончить несколько месяцев тому назад, до того, как погода испортится, – заявил Келли Сэведж, указывая сэндвичем в сторону окна, за которым серо-зеленое небо набухало дождем, нависая над кронами деревьев. Келли настоял на том, чтобы он и двое его братьев встретились на ланче здесь, в ресторане «У Паппи», который по вечерам превращался в дансинг. Макс неохотно согласился на встречу именно в этом месте. Если бы он отказался и даже привел убедительные причины своего отказа, то вызвал бы совершенно ненужное любопытство братьев. Макс часто бывал у «Паппи», но хотел, чтобы об этом его пристрастии никто не догадывался.

Огибая огромного голубого аллигатора, установленного у входа, в зале ресторана появился Роджер, брат-близнец Макса. Он махнул братьям рукой и подошел к музыкальному автомату, который, казалось, интересовал его гораздо больше, чем Макс и Келли. Роджер склонился над сверкающей неоновой машиной и начал рыться в карманах в поисках мелочи.

Глядя на брата, Келли сокрушенно покачал головой.

– Не знаю, откуда взялся этот парень, но мы с тобой уж точно из другого теста, – раздраженно заметил он.

– Говори о себе, – рассмеялся Макс.

Келли был братом Макса и Роджера только по отцу, сыном

от его первого, непродолжительного брака, но обычно все трое об этом просто забывали.

Макс пришел самым первым – хотел предупредить Энн о том, что будет не один и им не удастся, как обычно, поболтать за обедом. Они с Энн решили не предавать гласности свои дружеские отношения. У Макса для этого были серьезные основания, но почему она этого хотела, он не мог понять до сих пор. Эта тема не обсуждалась. Они были знакомы уже семь месяцев, и каждый день, заглянув в зал ресторана, он встречал Энн, но сегодня ее почему-то не оказалось на месте, и это беспокоило Макса.

По залу разнесся «Тюремный рок» Элвиса Пресли, вытеснив мелодию «Доктора джаза» Джелли Ролла Мортон. Только Элвис мог захватить внимание всех присутствующих. Многие уже прихлопывали ладонями в такт песне.

Макс улыбнулся и с аппетитом принялся за креветки. Обычно Роджера называли легкомысленным, и, пожалуй, это было правдой, но Макс любил брата таким, каким он был.

– Черт побери, это бесит! Что там за суета? И что это за странный тип – ты только посмотри, вырядился под Элвиса. Черный парик, белый пиджак, может, он еще и голубые ботинки надел? Они тут застряли в прошлом веке. На кого они рассчитывают? На всякую шелупонь? – Келли не скрывал своего раздражения, глядя на странно одетого мужчину, вошедшего в зал из служебного помещения.

– Уймись, наконец. – Макс терял терпение. – Этот тип – Кармен. Он работает здесь много лет, и он – часть здешней атмосферы. Его задача – выдворять клиентов, которые забыли о правилах приличия, – и он отлично с ней справляется. Как только подойдет Роджер, ты скажешь все, что собирался, и мы сразу уйдем. В конце концов, ты сам нас сюда пригласил. С таким же успехом мы могли поговорить в клинике или дома.

Макс снова посмотрел в сторону кабинета Энн, но дверь по-прежнему была закрыта. Это было странно – Энн любила свою работу, она вела дела в ресторане с такой тщательностью, будто он принадлежал ей самой, и никогда не пропускала работу без серьезной причины. Если бы она собиралась сегодня отсутствовать, она предупредила бы Макса, он был уверен, ведь они виделись вчера.

– Макс, послушай, ты не боишься за свои сосуды? – спросил Келли, продолжая жевать свой сэндвич с сыром. – Ты ешь столько жареного.

«Похоже, вкусы братца не изменились со школьных времен», – подумал Макс.

– Ну конечно я думаю о своих сосудах, – произнес он вслух, – но кто тебе сказал, что желтое месиво в твоём сэндвиче полезнее моих жареных креветок?

Макс с нетерпением ждал Роджера, и тот, наконец, оторвался от музыкального автомата и направился в сторону братьев через танцпол. Он шел спокойно и расслабленно, от-

вечая на приветствия посетителей, которых знал только в лицо. Он и не стремился их запомнить, редко улыбался, но его обаяние было непобедимо – люди тянулись к нему.

Роджер сел за столик рядом с Келли, напротив Макса.

– Вы видели этот музыкальный автомат? – весело спросил Роджер, он был в прекрасном настроении, все его радовало. – Вы видели игральный автомат? Это Wurlitzer 1015. Не понимаю, как им удалось сохранить его в рабочем состоянии! Это же настоящий антиквариат.

– Или новодел, – возразил Келли.

– Да ты подойди поближе и посмотри, – предложил Роджер. – Он сделан в начале сороковых. Это одна из первых моделей. В этом заведении вообще нет ничего нового – тут все с доисторических времен. Ну хорошо, хорошо, я опоздал, простите меня великодушно.

– Да ты и не старался прийти вовремя! – раздраженно ответил Келли.

Макс внимательно посмотрел на старшего брата и заметил, что тот непривычно бледен, а под глазами у него темные круги, чего обычно не было.

– Я заехал в Роузбэнк за почтой, – примирительно ответил Роджер, – ничего, кроме счетов.

Братья снимали три небольшие квартиры в Роузбэнке, в пансионе, который принадлежал местному шерифу Спайку Тревору, его жене Вивиан и теще Шарлотте. Роузбэнк прилегал к Грин-Вейл, довоенному зданию, в котором братья

собирались открыть новую клинику пластической хирургии. Несколько лет тому назад прежние хозяева уже переделали этот дом под клинику, и Макс решил этим воспользоваться – помещения были именно такими, как надо, требовался только ремонт. Однако ремонт, как это обычно бывает, отнял гораздо больше времени и сил, чем можно было предположить в начале работ. Макса это не пугало, он надеялся открыть клинику через пару месяцев. Уже была подобрана группа врачей различных специальностей, которые готовы были приехать в Грин-Вейл на постоянную работу. Паника Келли казалась Максу совершенно безосновательной.

– Я столкнулся с отцом Сайрусом и Вивиан в Роузбэнке, – сказал Роджер, оглядываясь вокруг в поисках официантки, – они уединились и что-то обсуждали – причем, похоже, что-то совсем не радостное.

– Непонятно, что они могли обсуждать, – заметил Келли, – они мало общаются, что у них может быть общего?

– Не знаю, – пожал плечами Роджер и заказал таких же креветок, как у Макса, подошедшей официантке в туфлях на высокой платформе. – Чудесное место. – Роджер явно наслаждался моментом. – Тут своя неповторимая атмосфера, посмотрите на это, – он указал на пожелтевшие от времени визитки посетителей, закрепленные на низком потолке, – надо прийти сюда, когда играет оркестр. А этого крокодила вы видели, у входа, огромный, блестящий, голубой?

– Голубой – ты о чем? Об этом болване, изображающем

Элвиса? Ботинки у него и вправду голубые? Боже правый!

– Роджер говорит о крокодиле. Который у входа. Я тебе говорил – его называют «Голубой крокодил», – пояснил Макс.

– Послушай, Келли, я немного пошутил. И если бы не мое хорошее настроение, я давно бы послал тебя ко всем чертям со всеми твоими шуточками! – Роджер говорил спокойно и сдержанно.

Макс решил, что пора менять тему, и заговорил о Мишель Рейли, которая приехала к ним вчера на собеседование. Мишель была молодым, но уже опытным врачом-физиотерапевтом, а Макс и Роджер хорошо знали ее по работе. Мишель осмотрела клинику, пришла в восторг и согласилась возглавить отделение физиотерапии – она давно мечтала работать самостоятельно. Жених Мишель, санитар, также планировал поступить на работу в клинику.

– Очень рад, что повидал вчера Мишель, поначалу я боялся, что она приехала просто из вежливости, – сказал Макс.

– Я тоже рад, – удовлетворенно ответил Роджер.

– Так что, Мишель ты тоже очаровал? Не стоит упражняться на ее счет. Нам очень повезло, что она согласилась работать. И для меня это – огромное облегчение, ведь она все обо мне знает.

– В самом деле? – Роджер скрестил руки на груди, глядя вдаль.

– Да, ты ведь знаешь, о чем я говорю...

– Ее согласие – хороший знак. И она очень позитивна.

Вслед за ней придут другие специалисты, первый – ее жених, – продолжил Роджер.

– Так что не забудь – теперь Мишель наш сотрудник, – сказал Макс и улыбнулся Роджеру, – это начало, нам давно следовало двинуть такой проект. И место прекрасное для восстановления пациентов после операций.

– Мерзкая погода, – пробормотал Келли, как будто не слышавший ни слова из разговора братьев, – ты же знаешь, Макс, – прихлебывая пиво, добавил он, – тебе не удастся прятаться всю жизнь.

– Знаю, хотя очень хотел бы не знать. Почему ты об этом вспомнил? – ответил Макс. Старший брат любил вставить в разговор что-нибудь очевидное.

– Кто-то должен напоминать вам о том, с чем мы имеем дело. Вы все время пытаетесь выкинуть это из головы.

– Прекрати, Келли, – проговорил Роджер сквозь зубы. – Мы здесь уже довольно давно, но проблем не возникло.

– Конечно-конечно, – резко ответил Келли, – вы здесь давно, делаете все, что душе угодно, а я при этом должен работать – вдали отсюда.

– О чем ты говоришь. Ты бы не проводил столько времени в Нью-Йорке, если бы тебе это не нравилось, – возразил Макс. – Мы все любили Нью-Йорк, если ты еще помнишь. Это наш дом – или он был нашим домом. Ты в дурном настроении – а это не способствует успешной работе. Дождь ни при чем, здесь всегда дожди – это не мешает работе. Она

не прекращается.

– Ничего подобного. Отсрочки стоят больших денег, – сказал Келли, покончив с сэндвичем и вытерев губы салфеткой. – Вы знаете, как трудно удержать бригаду строителей. Как только начинаются дожди, они находят работу внутри помещений, и потом их трудно вернуть назад. Когда хотят, тогда и возвращаются, черт их всех побери.

– Черт побери, Келли, что с тобой? – Макс заметил, что за соседними столиками стихают разговоры и внимание посетителей переключается на их перебранку, и понизил голос: – Ты с каждым днем становишься все раздражительней. Если хочешь выйти из проекта, тебе никто не мешает, только скажи. Да, я не предполагал, что мне придется прятаться в глуши, чтобы начать спокойно работать. Но вам-то это не нужно.

Роджер сидел молча, переводя взгляд с одного брата на другого.

– А ты – неблагодарный сукин сын, – прошипел Келли.

– Вот как? Ты переходишь все границы. Мы в двух шагах от цели – скоро клиника будет открыта, – а ты словно нарочно создаешь проблемы.

Роджер продолжал сидеть молча, положив ногу на ногу. Несгибаемый миротворец, он всегда говорил намного меньше, чем думал. Макс прекрасно разбирался в характере брата и всегда знал, что у него на уме. Им не нужны были лишние слова.

– Черт побери, опять дождь, – пробормотал Келли, глядя на тяжелые капли, скользящие по стеклу. – Вы правы, ребята, я стал раздражительным, все время создаю проблемы. Попробую исправиться.

– Забудь, – ответил Макс, – мы до сих пор оглядываемся назад. Постепенно это пройдет, нужно только время.

Макс не стал уточнять, чего они боялись – их страшила возможность повторения ужасных насильственных смертей, вину за которые пытались взвалить на плечи Макса. Таких смертей было две – одна пятнадцать лет, а другая – три года тому назад. Он никогда не говорил о том, что боялся проявить интерес к какой-либо женщине. Макс чувствовал, что женщина, которая ему понравилась, оказывалась в смертельной опасности. Келли и Роджер не подозревали о его чувствах к Энн – для них она была просто случайная знакомая.

– Хорошо, Келли, – спокойно сказал Роджер, вытащив из кармана бейсболку, – ты стал раздражительным и собрал нас здесь, чтобы сообщить об этом, так?

– Ну и сволочная у тебя манера разговаривать! Ты, конечно, психиатр, но мы не пациенты, – раздраженно ответил Келли. – Я уже сказал, что устал и нервничаю, но собрал вас не из-за этого. Я хотел поговорить с вами так, чтобы ни Треворы, ни ублюдки рабочие нас не слышали. Поэтому мы здесь.

– В самом деле? – Роджер посмотрел в сторону ближайшего столика, где четверо посетителей вдруг резко уткну-

лись в свои тарелки. – Если так, говори. Только тихо. Что до «ублюдков рабочих», так они делают большое дело – и клиника будет готова почти в срок, а это не часто случается.

Келли уперся локтями в стол, закрыв лицо руками.

– Все просто – я больше не уверен в том, что мы правильно выбрали место, – тихо произнес он.

Макс и Роджер незаметно переглянулись. Они привыкли к непредсказуемым переменам в настроении старшего брата и обычно просто давали ему возможность выпустить пар. Но сейчас Макс не удержался:

– Что ты хочешь сказать? Ты считаешь, что мы сделали ошибку, когда решили открыть клинику в Грин-Вейл? Что ж ты не сказал об этом год назад, когда мы начинали?

– Вы были слишком увлечены своей идеей, – ответил Келли, по-прежнему закрывая лицо руками, – бесполезно было вас отговаривать. И потом, эта твоя приятельница, Реб Жирар, уверяла тебя, что здесь прекрасное место, чтобы скрыться от любопытных глаз. Но теперь я не знаю, что и думать.

– Я по-прежнему верю Реб. – Макс начал злиться.

Официантка принесла Роджеру его креветки и задержалась около него несколько дольше, чем у других клиентов, голубые глаза Роджера безотказно действовали на всех женщин без исключения.

– Послушай, Реб – врач во втором поколении, ее отец лечил весь город и окрестности. Реб знает здесь всех и вся, и

ее все знают. Половину ее счетов оплачивают натурой: цыплятами, яйцами, а если повезет, ветчиной. И все подводные камни ей известны.

– Бедняжка! Просто сердце кровью обливается! – желчно парировал Келли, приоткрыв лицо и устремив холодный взгляд на братьев. – Да она со своим муженьком-архитектором весь город к рукам прибрала.

– Что из этого? С меня довольно – я уйду. – Макс не собирался больше слушать излияния старшего брата – когда Келли входил в раж, остановить его было невозможно.

– Ты не уйдешь! – Келли ударил рукой по столу. – Я считаю, мы должны немедленно продать весь бизнес и уехать – пока не поздно. Кто-то наверняка уже все о тебе знает. Я чувствую приближение скандала. Еще эта журналистка, кузина вашей Реб. Собирает грязное белье для своей мерзкой газетенки. Она точно докопается.

Кузину Реб звали Ли О’Брайен, она жила в Клауд-Энд, на окраине города, в доме, принадлежавшем Жирарам. Там же располагался ее офис, где она выпускала «Рупор Туссэна», единственную местную газету.

– Макс, ты не знаешь и половины того, что творится в этой тихой заводи, – не унимался Келли.

Макс был другого мнения. Он знал обо всем, что происходило в городе, – во всяком случае, о том, о чем стоило знать. Многое ему не нравилось – но не это определяло его отношение к городу. В любом случае Туссэн – не мегаполис.

– В этом городе всего хватало, – произнес он вслух, – и криминала было достаточно. Теперь это в прошлом. К счастью. Не сомневаюсь, рано или поздно моя история станет тут известна, и кое-кто начнет в ней с удовольствием копать. Ничего не поделаешь. Моя задача – завоевать доверие тех, кто здесь живет. По-моему, я на правильном пути.

– Согласен с тобой, – поддержал его Роджер, – мне этот город нравится. А ты чем недоволен, Келли?

– Всем доволен, – Келли смотрел на Макса немигающим взглядом, – а особенно тем, что я тут как на премьере новой пьесы – с интересом слежу за действием.

– Ты сам понимаешь, что говоришь? Можешь посмотреть любые пьесы, где хочешь, с кем хочешь, если тебе так неинтересно. И тебе совсем не обязательно оставаться здесь – можешь уехать в любой момент, – ответил Макс.

– Так ты не отказываешься от клиники?

– Нет!

– И я – нет, – поддержал Макса Роджер.

Келли широко улыбнулся, откинул назад длинные грязно-серые волосы и весело посмотрел на младших братьев. Теперь он был само обаяние.

– Ребятки, это проверка!

– Ах ты крыса. – Роджер вскочил на ноги и схватил Келли за плечи. – Ты не меняешься! Пойдем выйдем! Я выбью из тебя это дерьмо!

– Отлично сказано! Вот как объясняются психиатры. –

Макс сдержался и остался сидеть, хотя ему не меньше Роджера хотелось поколотить старшего брата. – Келли, ты устроил тут отличное представление, но шутка не удалась – это не смешно. Хотя ты всегда любил черный юмор.

– Я просто хотел, чтобы мы собрались вместе, – Келли примирительно похлопал Роджера по плечу, – и я очень рад, что ты, Макс, не смотришь на свою ситуацию через розовые очки. Я, черт возьми, беспокоюсь о тебе, и Роджер беспокоится. Ты уже вляпался в историю, и мы не хотим, чтобы это повторилось. Особенно когда ты думаешь, что все уже позади.

Макс почувствовал, как застарелый страх накатил на него с новой силой, но продолжал спокойно улыбаться. Он не собирался делиться своими опасениями с братьями. Их клиника в Грин-Вейл будет работать. Они с Роджером собрали отличную команду медиков, вместе с которой смогут заняться любимым делом. Келли будет вести финансовые дела – у него есть необходимая квалификация. И он не даст им потерять почву под ногами.

В ресторане «У Паппи» народу всегда было много, а сегодня – больше обычного. Дверь постоянно открывалась, пропуская все новых и новых посетителей, но Энн среди них не было. Наконец, она появилась и, перекинувшись несколькими словами с Карменом, прошла к себе в кабинет.

Макса огорчило то, что Энн даже не оглянулась по сторонам, но, возможно, она просто была уверена, что Макс ушел,

не дождавшись ее, — так долго он никогда здесь не засиживался. Макс решил поговорить с ней после отъезда братьев. Теперь можно было расслабиться — к счастью, ничего дурного не случилось.

Но Макс не знал, что недалеко от него находится человек, самым внимательным образом следящий за его реакцией на появление Энн Дьюгон. И этот человек был вполне удовлетворен — Макс не мог скрыть своего волнения. Энн ему нравилась! Весьма кстати.

Глава 4

К столу, за которым сидели братья Сэведж, подошла чета Гиббс, Гейтор и Долл, которым принадлежал «Мажестик», единственный отель в Туссэне. Гейтор, крупный полный мужчина средних лет, смущенно пыхтел и переминался с ноги на ногу, вытирая абсолютно лысую, влажную от пота голову старой бейсболкой с надписью «Золотое казино». Долл с застенчивым видом держалась у него за спиной. Однако Макс был с ней достаточно хорошо знаком и знал, что застенчивостью тут и не пахло. Лицо у Долл было бы абсолютно невыразительным, если бы не глаза, огромные, серые и вечно удивленные, наивный взгляд которых скрывал ее тяжелый характер.

– Гейтор, Долл, добрый день, – приветствовал пришедших Макс.

– Хорошенький денек, – насмешливо ответил Гейтор, переводя взгляд на залитое дождем окно. – Мне нравится такая погода, – поспешно добавил он, и Макс подумал, что Долл незаметно толкнула мужа локтем, и был прав. – Что ты делаешь? – Гейтор недовольно обернулся к жене. – Зачем бьешь меня по почкам? У меня и так проблемы с пи-пи – ты же слышала, что говорила доктор Реб...

– Не за этим мы сюда пришли, Гейтор. Доктору Сэведжу неинтересно, что там у тебя в почках. Я слышала, он лица

оперирует, – огрызнулась Долл, но ее взгляд по-прежнему оставался наивными и ничего не выражающим.

– Давайте отойдем в более спокойное место. – Макс, взглянув на братьев, встал и взял Гейтора под локоть.

– Можем и здесь сказать, что собирались, ничего такого, – заявила Долл.

– Ничего такого, док, но спасибо за понимание. – Гейтор направился к выходу.

Все трое вышли из зала и остановились под широким козырьком за входной дверью. Гейтор засунул руки в карманы своей застиранной рубахи и встал расставив ноги. Долл пристально смотрела на мужа.

– Не волнуйтесь. Просто скажите то, что собирались, – прервал молчание Макс.

– Мы – хорошие люди, – издалека начал Гейтор после продолжительного молчания, – если кому что нужно, мы всегда поможем. Ведь так, Долл? Спросите кого хотите в городе – каждый скажет, Гиббсы – люди щедрые, – продолжал он.

– Трудно начать? – с улыбкой сказал Макс. Ему стало жаль этого смущенного толстяка. – Говорите спокойно. Вряд ли вы скажете что-нибудь, о чем я еще не слышал. Так что выкладывайте, с чем пришли.

Гейтор глубоко вздохнул и сильно закашлялся.

– Влажно, – сказал он, указывая на стену дождя и поднимающийся туман. – Вы сказали, мисс Рейли остановится у нас на одну ночь, правда?

– Да.

– И она собиралась заплатить сегодня утром перед отъездом, так? – нерешительно продолжил Гейтор.

– Она не заплатила! – резко включилась в разговор Долл. – Добавочный день – добавочная оплата. Комнату она все равно занимает, даже если не ночует!

– Я же вам сказал, когда бронировал номер, чтобы счет прислали мне! – ответил Макс. Визит Гиббсов больше не казался ему забавным.

– Мы договаривались на одну ночь – и выписываться в одиннадцать. Теперь вы нам должны за две ночи – уедет-то она завтра утром.

У Макса перехватило дыхание.

– Мисс Рейли еще здесь? Она не уехала?

– Что вы нам такое рассказываете. – Долл самодовольно усмехнулась. – Ваши дела – это ваши дела, но нечего нам лапшу на уши вешать. Мы – не ширма. Она переехала к вам – дело ваше. Но лучше бы ей забрать свои вещи – платить меньше придется.

– Я привез ее в отель вчера вечером. – Макс говорил с трудом. Страх парализовал его, бесполезно было гнать от себя ужасное предчувствие. – Я видел, как Мишель заходит в подъезд. Может быть, она просто забыла одну из своих сумок – я оплачу пересылку.

Макс вытащил бумажник из заднего кармана и достал чековую книжку.

– Она не собрала вещи, даже косметику из ванной не взяла. И машина ее до сих пор стоит на парковке у отеля, – растерянно ответила Долл.

Глава 5

Эти плечи и спину Энн могла бы узнать при любом ракурсе. Она с радостью встречала Макса Сэведжа везде и всегда, за исключением тех случаев, когда одиночество было ей настолько необходимо, что она не хотела говорить ни с кем, даже с ним.

Двери ресторана захлопнулись у нее за спиной. Ссутулившись, Энн низко надвинула капюшон плаща, пытаясь спастись от проливного дождя. Лучше было вернуться и незаметно прошмыгнуть обратно, но Макс обернулся и увидел ее.

Вернее, посмотрел в ее сторону невидящим взглядом, не переставая говорить по мобильному. Возбуждение и гнев исказили его лицо до неузнаваемости. Пронзительные голубые глаза, которые приводили в смущение всех женщин, от мала до велика, и заставляли их лихорадочно вспоминать, в каком номере журнала GQ они видели этого обаятельного мужчину, смотрели с пугающим холодным равнодушием. Энн подняла было руку, чтобы помахать Максу, но тут же опустила ее. Он был занят разговором, значит, можно пройти мимо молча. Улыбнувшись широкой деланой улыбкой, Энн попыталась проскользнуть к своей машине, но Макс крепко взял ее за руку и улыбнулся одними губами – взгляд его был тяжелым и отрешенным. Дождь не стихал. Джинсовый пиджак

Макса потемнел от воды, волосы промокли и облепили лицо, но он ничего не замечал.

– Пожалуйста, подожди минуту, – сказал он, прикрыв трубку рукой.

Энн кивнула в ответ, хотя проще было бы уйти, сославшись на работу, чтобы избежать ненужных вопросов.

Ранним утром отец Сайрус привез Энн домой и передал прямо в распростертые объятия Элли Гейбл и ее мужа Джо. Ирен, любимая кошка Энн, удобно устроилась на руках у Элли. Странно было то, что Ирен, царившая в квартире Энн и никогда не покидавшая своего жилища, вдруг оказалась снаружи, под дверями черного хода, и ее отчаянное мяуканье разбудило Гейблов. Энн убедила их, что Ирен просто выскользнула незаметно, когда она сама выходила на улицу, но это было ложью. Прежде чем уйти, Энн всегда проверяла, на месте ли Ирен. Ее исчезновение могло означать только одно – в квартире был кто-то чужой, кто и выпустил кошку по неосторожности.

Или в этот раз она была настолько взволнована, что оставила дверь приоткрытой?

После того как отец Сайрус забрал Энн из церкви Святой Сесилии, она засыпала дважды – но каждый раз ночной кошмар возвращался с новой силой. Сайрус долго беседовал с Энн этим утром, и она решилась рассказать ему обо всем, что происходило с ней в последнее время. Он вызывал у нее безоговорочное доверие своей постоянной готов-

ностью прийти на помощь и способностью оставаться самим собой, без лицемерия и притворства. Они договорились, что Энн придет к нему снова, чтобы обсудить свое состояние.

Впервые ее кошмары продолжались и наяву – по нескольким секундам. Энн отвернулась в сторону и закрыла глаза. Что это значило? Что с ней происходит?

Рука Макса крепко сжала ее запястье.

– Спайк, я не думаю, что с ней могло что-то случиться, – резко сказал он в трубку. – Да, конечно, это возможно. Извините. Мишель приехала в Туссен вчера утром. Она взяла машину в аэропорту. Я сам привез ее в отель «Мажестик» прошлой ночью, после ужина. Но Долл и Гейтор говорят, что она не ночевала в номере. Ее вещи все еще в гостинице, а машина – на парковке отеля.

Энн невольно прислушалась, и каждое слово Макса отзывалось тяжестью в ее голове. Она вспомнила, что Мишель – это Мишель Рейли, женщина, которую Макс собирался пригласить на работу в свою клинику.

– Конечно я беспокоюсь! – продолжал Макс. – Послушайте, я подъеду к вам, и мы поговорим, но не сегодня.

Выслушав ответ Спайка, Макс густо покраснел.

– Келли в курсе, – добавил Макс, – у него вся информация по кадровым вопросам. И все данные о Мишель тоже у него. Он знает, что случилось. Да, я попрошу его позвонить вам, и мы зайдем к вам позже.

Энн осторожно посмотрела на Макса. Разговор с шерифом

фом произвел на него тяжелое впечатление, лицо напряглось, а во взгляде не осталось ни капли теплоты. Макс отключил мобильник и закрепил его у пояса. Можно было перевести дух.

– Энн, я хочу уехать отсюда, прямо сейчас. Составишь мне компанию? Ты можешь уйти с работы?

– У меня есть немного времени, – ответила Энн. Она не стала ссылаться на дела и готова была выслушать его, если он захочет поделиться с ней своими проблемами, – но досаждать вопросами она не будет.

Пара направилась на парковку. Макс двигался так стремительно, что Энн с трудом поспевала за ним. Не останавливаясь, он достал электронный ключ от машины. Замигали габаритные огни на его сером «бокстере». Макс усадил Энн на сиденье, захлопнул за ней дверцу, сел за руль и, едва стряхнув капли дождя с лица, рванул вперед, забыв об осторожности и о том, что дорога залита дождем.

Даже не взглянув на Энн, Макс, держа руль левой рукой, правой достал мобильник и нажал кнопку вызова.

– Ну, давай же, Келли, возьми, наконец, трубку. Келли. Привет, это я, Макс. Только что говорил со Спайком по телефону... Нет, черт возьми, я сказал ему только то, что узнал от Гиббсов, ничего больше. Собери все данные о Мишель. Домашний адрес, телефоны, контракт, в общем, все, что у нас есть, – и отвези Спайку в офис. Да, ведь Спайк может узнать, улетела Мишель в Нью-Йорк или нет. Как мне не

пришло в голову его спросить – может, он уже узнал.

Закрыв микрофон мобильного, Макс посмотрел на Энн.

– Ты спала сегодня? – спросил он, хотя очевидно было, что нет.

Она выглядела измученной и невыспавшейся. Глаза девушки слипались. Энн почувствовала знакомую ноющую боль в животе, предвестницу волны панического страха. Господи, опять. За последние сутки этих ощущений у нее было больше чем достаточно.

– Конечно спала, – неуверенно ответила девушка, словно пытаясь оправдаться. Это было так не похоже на уверенную и спокойную Энн, которую знал Макс.

– «Конечно спала»! Поэтому у тебя черные круги под глазами? Поэтому ты так напряжена, что стоит к тебе пальцем прикоснуться – ты просто в обморок упадешь от страха? Что случилось? Чем ты сегодня занималась?

Макс заметил повязку на левой руке Энн. Он и раньше видел многочисленные, но еле заметные шрамы на руках девушки. Он никогда не спрашивал, откуда они взялись, но, будучи хирургом, постоянно имевшим дело с травмами, без труда догадался, что это следы от давних ожогов. Сегодня опять что-то случилось.

– У меня все в полном порядке, – продолжала храбриться Энн, ни словом не обмолвившись о том, что произошло с ней в церкви и что случилось с ее рукой, – никогда не чувствовала себя лучше, чем теперь. Просто утро – не мое вре-

мя. Ты что, мне не веришь? Думаешь, я вру?

Разумеется, Макс ей не поверил. С отсутствующим видом слушая злобные тирады Келли, доносившиеся из телефонной трубки, он вел машину на огромной скорости, умело вписываясь в многочисленные повороты дороги, и время от времени поглядывал на Энн.

– Ну, ты кончил, наконец, – резко ответил он старшему брату, – да, я догадался. Нет, я не буду передавать тебе подробности – узнаешь все у Спайка. Я не могу с ним говорить. Не сейчас. Черт возьми, все слишком знакомо! Я собираюсь проветриться... на машине, да. Почему? Потому что мне сейчас это необходимо. Все! – Макс отключил телефон и погнал машину на север – подальше от Туссэна.

Энн хотела понять, куда они едут, но не решалась спросить. Проливной дождь обрушивался на землю, навстречу струям поднимались клубы тумана, и казалось, все вокруг кипит. Ветер носил в воздухе опавшие красные и желтые листья – они ударялись о ветровое стекло и попадали под непрерывнодвигающиеся очистители. Туман то рассеивался, то охватывал машину плотным кольцом, полностью скрывая дорогу.

Энн не просила Макса сбросить скорость или остановиться и переждать, пока видимость улучшится. Она боялась услышать его холодный враждебный голос и увидеть искаженное гневом лицо, которое она видела совсем недавно, когда они встретились у дверей ресторана.

Макс вел машину сильно наклонившись вперед и сжимал руль с таким болезненным напряжением, что пальцы на руках побелели.

– Не сердись, я не должен был брать тебя с собой. Не знаю, что на меня нашло. Я должен был ехать один. Сегодня я не лучший спутник. – Он прервал молчание и посмотрел на Энн.

Удивительная женщина, подумал Макс, единственная среди его знакомых привлекательных женщин, которая абсолютно не осознавала, какое впечатление производит на мужчин и какой властью над ними могла бы обладать. И эта постоянная ее сдержанность, за которой скрывалась неуверенность в себе или застенчивость... Нежное лицо с выразительными зелеными глазами и мягкими полными губами, мягкие пушистые волосы до плеч, стройная фигурка, длинные ноги, ну, в общем, 90 × 60 × 90...

Но очаровательная, задумчивая Энн Дьюгон могла быть деловой и сдержанной. Макс восхищался той четкостью и кажущейся легкостью, с которой она вела дела в ресторане «У Паппи». Энн легко разрешала самые сложные ситуации, не теряя доброго расположения духа и чувства юмора. Но, пожалуй, попасть к ней ей в немилость было не так уж приятно.

– Знаешь, мне даже нравится такая дикая погода – иногда, – сказала Энн, чувствуя себя неловко и не имея сил эту неловкость преодолеть. Каждый раз, когда Макс смотрел в

ее сторону, Энн казалось, что он касается ее руками, и у нее дыхание перехватывало так, что легкие сжимались.

– Я все понял, – с улыбкой ответил Макс, – поворачиваем обратно.

– Не надо. Ты сказал, что хочешь, чтобы я поехала с тобой, – и я поехала. Я здесь – и ты можешь сказать все, что хотел.

Энн никогда, ни при каких условиях не могла заставить себя отступить, если чувствовала, что кто-то нуждается в ее помощи. Иногда это доводило ее до беды, но ведь сейчас не тот случай. Или тот?

– Спасибо тебе, – ответил Макс и сбросил скорость, но, забывшись, ударил ладонью по рулю.

Энн подскочила от испуга и плотно сжала дрожащие ладони. Дела идут все хуже и хуже, но она успокаивала себя тем, что в случае чего найдет способ обеспечить свою безопасность. У нее уже был печальный опыт. Она научилась не поддаваться на мужские уловки и теперь не даст себя запугать или унижить.

Но ведь Макс не такой человек?! Он никого не запугивает и не унижает.

Энн осторожно коснулась руки Макса.

– Послушай, это не мое дело, но я вижу, что ты нервничаешь. Что-то случилось с той женщиной, которая приехала к тебе на работу? Мишель, кажется?

– Не знаю! – Он и в самом деле не знал. И не хотел знать.

И думать об этом не хотел.

– Ну хорошо, – ответила Энн и тут же пожалела о том, что спросила.

– Я испугал тебя! Какой же я идиот! Послушай, я так не поступаю. Эти сволочи – они делают что хотят и сводят меня с ума.

– Они – это кто?

– Забудь!

Сейчас Энн могла бы объяснить Максу, каково это – сидеть в несущейся на бешеной скорости машине и слушать излияния человека, который не в состоянии сдержать свой гнев. Но, пожалуй, это была неудачная идея. Во всяком случае, в данный момент.

– Надо бежать, – пробормотала машинально Энн, она не собиралась говорить это вслух.

– Я не собираюсь бежать! – Макс крепко сжал ладони Энн. – Нет оснований. У меня трудный период – но я справлюсь. Кстати, ты любишь бейглы? – Он старался казаться спокойным. – Знаешь маленький ресторанчик в Сент-Мартинвилле, «Бейглы у милашки». Там правда очень мило и подают хорошие бейглы.

– Не знаю, – ответила Энн. Бейглы были некстати, но уж совсем некстати был Сент-Мартинвилл.

Если бы не проливной дождь с туманом, она, конечно, узнала бы места, по которым они проезжали, – и уговорила бы Макса поехать в любой другой городок. Куда угодно,

только не в Сент-Мартинвилл, где она выросла и откуда уехала однажды и навсегда. Этот период ее жизни закончился.

– Тебе там понравится, – продолжал Макс. – Бейглы на любой вкус. Пряные соусы, мягкий сыр, копченый лосось, каперсы, прозрачные колечки лука – ты только представь, – и отличный кофе.

– Нью-йоркская еда, – вздохнула Энн.

– Ничего подобного. По всему миру люди едят бейглы. Зайдешь со мной? Перекусим.

Отступить было некуда. В конце концов, все те, кого Энн знала в Сент-Мартинвилле и кто знал ее, либо уехали из города, либо умерли. Во всяком случае, большинство из них. А те, кто остался, вряд ли узнают в ней ту неуверенную в себе девушку, какой она была в Сент-Мартинвилле. Энн знала, что изменилась до неузнаваемости, и внешне, и внутренне.

Надо было принимать решение. Энн совсем не хотелось оказаться в Сент-Мартинвилле, но оставаться в машине с Максом, готовым сорваться в любую минуту, было невыносимо. Так или иначе, надо было выбраться из машины, и тогда она сама о себе позаботится.

– Так ты не успел позавтракать у «Паппи»? Хорошо, составлю тебе компанию. Почему бы и нет? Бейглы так бейглы. Идея мне нравится, – согласилась Энн, решив, что предложение уехать в другое место не может не вызвать у Макса подозрения.

– Я хорошо позавтракал, – ответил Макс, пытаясь угадать

настроение Энн. – Но, честно говоря, я не помню, когда это было, так что парочка бейглов мне не мешает.

– Тогда поехали, – сказала Энн.

Что ж, Макс всегда держал ситуацию под контролем и никогда не говорил лишних слов.

Он внимательно посмотрел на свою спутницу: уж не смеется ли она над ним? Нет, Энн не смеялась. Ее тянуло к нему даже сейчас, когда она не могла справиться со страхом.

После всех несчастий, обрушившихся на Энн в Сент-Мартинвилле, ее считали паршивой овцой. За спиной перешептывались: «Она – омерзительна!», «Держись от нее подальше! Не подпускай к ней Джона! Скольким мужикам она жизнь испоганила!». Бездоказательная ложь – но оправдываться было бесполезно. Энн ошиблась дважды – и об этом знали все. Эти ошибки чуть не стоили ей жизни и навсегда погубили ее доброе имя в Сент-Мартинвилле.

Машина въехала в город. Дождь распугал прохожих, и улицы были пусты.

– Ты здесь сориентируешься? – спросила Энн дрожащим голосом. Она не смотрела по сторонам. Жаль, нельзя натянуть капюшон – ничего, она сделает это, как только выйдет из машины.

– Это небольшой городок. Чуть заезаешь – и проехал. Но здесь хорошо. Чувствуешь себя комфортно.

Энн пожалала плечами – ей комфортно не было. Дождь не утихал. Лил как из ведра – как в Туссэне. Вот где сейчас она

должна быть – в Туссэне, «У Паппи», на своем рабочем месте. Это совсем на нее не похоже – где-то мотаться в рабочее время. Больше она этого себе не позволит.

– Так где эта твоя «Милашка»? – Энн не могла вспомнить этого ресторана – возможно, его открыли после ее отъезда.

– Рядом с церковью Святого Мартина. И церковь действует.

Церковь размещалась в белом одноэтажном здании с небольшой колокольней над входом, гордостью горожан и главной местной достопримечательностью. У входа выстроилась небольшая очередь желающих подняться наверх и осмотреть здание. Посетителей тут всегда было много, а дождь только усиливал их желание спрятаться под крышей какого-нибудь примечательного здания. В детстве Энн любила бывать в этой церкви и часто пряталась в церковном Саду вечного поклонения около статуи Евангелины Аккадской, где всегда царили мир и покой. Она считала, что Евангелина следит за ней и охраняет ее, а также всех детей и эльфов. Да-да, именно эльфов. Энн не сомневалась в том, что эльфы существуют и живут в саду среди цветов. Никто никогда не пытался ее разуверить в этом, просто потому, что Энн хранила свою веру в глубокой тайне.

Свернув на Гамильтон-стрит, они проехали два квартала, и Макс свернул в узкий проезд между домами. Энн с тоской смотрела в окно машины – все было до боли знакомо. Макс с трудом припарковался во дворе перед рестораном, где уже

стояла дюжина машин. Ресторан представлял собой небольшое одноэтажное здание с большим окном, за которым клубилась толпа посетителей, и стеклянной дверью. Неизвестно, кто создал замечательную вывеску «Бейглы у милашки», но этот человек явно не был профессионалом. Бирюзовые буквы вывески были разной высоты и становились все меньше по мере приближения к концу названия. Когда автор этого шедевра осознал свою ошибку, он решил исправить ее, разместив между буквами желто-коричневые кружочки с пятнышками и дыркой в середине. Энн решила, что они, видимо, изображали бейглы.

Выключив двигатель, Макс не торопился выходить из машины. Энн подумала, что сидящий рядом с ней обаятельный мужчина, мускулистый, темноволосый и голубоглазый, с ямочкой на квадратном подбородке и чуть приподнятыми уголками хорошо очерченного рта, не догадывался о том, какие мысли и желания он у нее возбуждает и как часто по вечерам она мечтает оказаться рядом с ним в неформальной обстановке. А если бы догадался – наверняка посмеялся бы над ней или пожалел.

Макс вышел из машины, а Энн не могла заставить себя подняться. Макс открыл дверцу с ее стороны и протянул ей руку.

– Энни, что случилось? – Макс, нахмутив брови, смотрел на нее сверху вниз. – Что-то не так, я вижу.

– Ничего не случилось. – Энн оперлась о его руку и вышла

из машины.

Они снова оказались под проливным дождем.

– Нет, что-то случилось. Этим утром тебя не было у «Паппи», а ты никогда не пропускаешь работу. – Макс смахнул с ресниц капли дождя. Он уже жалел не только о том, что сказал Энн сейчас, но и о том, как поступил по отношению к ней сегодня утром. Хорошо было бы перевести стрелки часов назад, но, к сожалению, это невозможно.

– Вот это да! Оказывается, я должна сообщать тебе, где была и что делала! – Выйдя из машины, Энн почувствовала себя увереннее.

Похоже, они зашли в тупик. Но кто-то из них двоих должен был прекратить перепалку – и это был, конечно, Макс.

– Ты права, прости меня. У меня было очень тяжелое утро, а когда я тебя увидел – это было как спасательный круг. Рядом был кто-то разумный и трезвомыслящий. Рядом с тобой я чувствую себя спокойней. И мне хотелось, чтобы ты была рядом.

– Похоже, нам обоим сегодня утром не повезло. Мое утро было не лучше твоего, Ирен убежала, пришлось ее ловить. – Энн не собиралась пускаться в объяснения, и вот теперь она солгала. Она ненавидела вранье – но в последнее время лгать приходилось слишком часто.

– Это твоя кошка? Ты ее нашла?

– Да, все в порядке, – ответила Энн, оглядываясь по сторонам. Когда-то давно она уже бывала в этом месте, но то-

гда здесь не было никакого рестораника. Ветер гонял по асфальту облетающие лепестки магнолии, и воздух был наполнен их сладким мускусным запахом.

Две женщины, весело смеясь, вышли из магазина косметики на углу. Энн тут же отвернулась и низко надвинула капюшон. Теперь они не узнают ее, даже если посмотрят в ее сторону. Да и она их не узнала.

Макс не мог не заметить напряженности Энн и стал упрекать себя в том, что заставил ее приехать сюда. Ему было необходимо уехать из Туссэна, но нельзя сваливать на нее свои проблемы.

– Пойдем. Выпьем по чашке горячего кофе, согреемся, потом я заброшу тебя домой, ты переоденешься, и я доведу тебя до работы, – сказал Макс и заметил, что Энн смотрит на кого-то, кто стоит у него за спиной, и смотрит со страхом, смущением и со слезами на глазах. Господи, до чего же он ее довел. Макс оглянулся и увидел мужчину, выходящего из магазина с большим бумажным пакетом.

– Энни?

– Макс, я не могу здесь оставаться. Ты иди попей кофе, а я вернусь к себе на работу. Не волнуйся, я знаю, как добратсья, – ответила Энн.

«Если бы можно было закрыть глаза и оказаться за тысячу миль отсюда», – подумала она. Ничего, как только она уйдет с парковки, сразу позвонит Кармену, и он заберет ее отсюда. Кармен никогда не задает лишних вопросов и не обсуждает

чужие дела.

– Макс, я пошла. Увидимся завтра, у «Паппи», если ты туда зайдешь.

Макс молча взял девушку за руку и положил ей на ладонь ключи от машины.

– Энни, бери мою машину и поезжай в Туссэн. У меня здесь дела, а потом Роджер за мной заедет, и мы вместе вернемся. Машину можешь оставить у своего ресторана. Езжай.

– Не нужно, Макс. Я доберусь сама.

– Возьми мою машину. А мне пора.

Энн попыталась вернуть ему ключи, но Макс покачал головой и быстро пошел в сторону реки. Он не был уверен, что его решение было правильным и что он о нем не пожалеет, но ему было невыносимо видеть, как Энн нервничает. Она была парализована страхом, и нужно было как-то ей помочь.

Энн смущенно смотрела ему вслед, забыв про дождь, который не стихал ни на минуту. Ключи от машины были у нее, «бокстер» стоял в двух шагах, она еще могла бы догнать Макса и остановить его, но ноги у нее стали ватными, и девушка не двинулась с места. Мужчина с бумажным пакетом остановился в дверях ресторана. Бобби Колберт, это был он, не отрываясь смотрел на нее. Сколько ему лет? Он на пару лет старше ее, значит, тридцать один?

– *Да иди же, убирайся отсюда!*

Энн натянула капюшон и нагнула голову. Силы вернулись к ней, и она уже бежала. Вряд ли это может показаться ко-

му-то странным – дождь шел не переставая.

– Энни, это ты?

Энн застыла на месте. Если бы сейчас он схватил ее за горло и начал душить – она и в этом случае не смогла бы пошевелиться. Его шаги становились все ближе.

– *Перестань, – Энн попыталась успокоить себя, – он совсем неплохой парень. Тогда он был совсем ребенком – его нельзя судить строго. Зато потом он помог, просто спас мне жизнь. Если бы не он – меня бы здесь не было. Но он все знает. Он видел, что сделал со мной тот мерзавец. Бобби знает обо мне все, что я храню в тайне, все, о чем никто не должен знать. Но если узнают – как я смогу жить дальше? А если узнает Макс – я уеду из Туссэна. Лучше исчезнуть, чем пережить его отвращение или жалость.*

– Энни, это я, Бобби! Не знал, что ты вернулась.

Энн подняла голову и посмотрела на него. Бобби возмущал. Такой же стройный, как и раньше. Светлые волнистые волосы хорошо подстрижены. Белоснежная улыбка. Честный взгляд карих глаз. Идеальный американский ребенок превратился в идеального американского молодого человека. Но от этого ей стало еще страшнее.

– Я не вернулась, – ответила Энн и поразилась слабости своего голоса.

– Я много думал о тебе, милая. – Бобби улыбнулся и посмотрел на автомобиль за спиной Энн. – Как ты? Как жизнь? Энн открыла машину, упала на сиденье и заперла дверцы.

Она рванула с места так решительно, что чуть не сбила Бобби Колберта.

Он мог разрушить то, над чем она работала все эти годы.

Глава 6

Реку скрывал плотный туман. Хозяева катеров, направлявшихся в сторону доков, перекликались, чтобы избежать столкновения, и Макс отчетливо слышал голоса, отражавшиеся от поверхности воды и разносившиеся по округе. Туман проникал повсюду и казался живым. Он будто шептал: «Тссс... тихо, тихо...» – и природа замирала и подчинялась.

Ботинки Макса скользили по мокрым листьям и утопали в грязи, но он хорошо знал это место и шел быстро. Только однажды чуть не упал, поскользнувшись и потеряв равновесие. Впереди, примерно на милю, тянулся заросший лесом участок земли. Здесь Макс хотел построить клинику, но его отговорили. Общее мнение склонилось в сторону более практичного решения – использовать уже построенное здание. Почему он не настоял на своем? Почему проявил слабость? Не хотел лишних проблем? Сейчас Макс был уверен, что его решение было правильным, и клинику надо было создать именно здесь, в Грин-Вейл. Сколько же ошибок он совершил с момента приезда в Туссэн? Было бы возможно, он все сделал бы по-другому. Все, кроме одного – знакомства с Энн. О встрече с Энн он не жалел ни минуты, но даже ее умудрился только что оттолкнуть.

Теперь Макс двигался по бетонке, скрытой под толстым слоем опавших листьев. Полотно дороги все было в тре-

щинах и нуждалось в срочном ремонте. Купив этот участок, Макс смог бы отремонтировать дорогу, разбить сады и устроить живописные террасы, где пациенты после операций могли бы восстанавливать силы.

Макс нашел проход между деревьями, перелез через невысокую насыпь, перешагнул через проволочное ограждение и оказался в зарослях кустарников и лиан.

Со стороны дороги донесся шум двигателя. Макс узнал свою машину. Значит, Энн поехала вслед за ним. Ничего хорошего в этом не было. Энн совсем не нужно было быть здесь. Он должен сам выяснить, не случилось ли с Мишель то, о чем страшно было даже подумать. Макс прибавил шаг, надеясь, что Энн его не заметит.

Заросли кустарника кончились, и теперь он шел под высокими кронами деревьев, по неровной земле, на которой не росло ни травинки – густая тень убивала все, кроме лишайников.

Машина проехал мимо, и Макс с облегчением вздохнул. Он почти не надеялся на хорошие новости. Мишель пропала, и Макс инстинктивно готовился к самому худшему. Но к страху за Мишель добавился страх за Энн. Она незаметно вошла в его жизнь, и без нее Макс себя уже не мыслил, а это представляло опасность. Те силы – или люди, которые желали ему зла, могли заметить его чувства к девушке и начать действовать. Если женщина нравилась Максиму, то риск преждевременной смерти для нее неизмеримо возрастал.

Энн понимала, что если бы Макс хотел пойти вместе с ней, то вел бы себя по-другому. Но она не могла оставить его здесь одного, отчаявшегося и промокшего.

Энн посмотрела в зеркало заднего вида – она отъехала уже около мили от того места, где Макс свернул с дороги. Плавно развернув машину, Энн поехала в обратном направлении, остановилась, немного не доехав до нужного места, вышла и, перебравшись через проволочное ограждение, направилась следом за Максом.

Старые деревья обступили Энн. Тут были и хвойные вечнозеленые, и лиственные, которые теряли пожелтевшую листву под потоками дождя. Деревьям было тесно, казалось, они расталкивали друг друга ветвями, чтобы освободить для себя побольше пространства. Под ногами хрустели сучья, но Энн и не пыталась двигаться бесшумно – пусть Макс услышит, она не хотела подкрадываться неожиданно.

Энн прислонилась к старому дубу и погладила его покрытую мхом кору. Запах гниющих листьев поднимался от земли и вызывал странные тревожные ощущения.

Что она могла предложить Максу? Только дружбу. И он, похоже, не ждал от нее ничего большего – пока. Несколько мимолетных поцелуев, и Энн дала понять, что продолжения не будет. Когда же она оставалась одна и могла дать волю своему воображению, то представляла себя в объятиях Макса. Она хотела быть рядом с ним всегда, делить постель ночью и все дела и заботы – днем. Она хотела найти убежище

в его объятиях и частенько представляла себе, какой отличный секс у них мог бы быть. Мог бы, но никогда не будет. Слишком велика вероятность того, что близость с Максом закончится для нее полным крахом.

Деревья расступились, и в просвете Энн увидела Макса. Она нагнала его даже быстрее, чем ожидала, но не окликнула. Остановившись за деревом, она наблюдала, как он водил по земле длинной палкой, останавливаясь время от времени и оставляя метки. Энн не могла понять, что он делает. Измеряет участок? Тем временем темнота сгущалась. «Неподходящее время для прогулок», – подумала Энн. Она вздохнула, вернее, услышала тихий вздох, но не почувствовала, как воздух поступает в легкие. Попробовала позвать Макса, но он не услышал.

Тут все вокруг озарилось светом – это были языки пламени, вырвавшиеся непонятно откуда. Раздался треск и шипение – все стихло – пламя исчезло. Но Энн успела почувствовать его жар.

Она понимала, что происходит – ее ночной кошмар опять вернулся к ней, только теперь наяву. Но на этот раз Энн не допустит, чтобы он завладел ею.

Листья посыпались на голову Энн, запутались в волосах и легли на плечи. От испуга она почти неслышно всхлипнула и стряхнула их.

Раздался странный скрежет. Как будто что-то тяжелое тащили по земле, задевая о камни. Энн закрыла глаза

и увидела то же, что и всегда. Мужчина тащил одеревеневшее женское тело, бросал его на землю, расчищал лопатой небольшую площадку от листьев и рыл углубление в земле.

Энн упала на колени и обхватила руками ствол дерева. Ее льняная юбка мгновенно намочила. Энн закричала, но мужчина не обращал на нее внимания.

Стало совсем темно, и Энн больше не видела ни мужчины с лопатой, ни женского тела, лежащего на земле. Потом появилось слабое свечение, которое постепенно усиливалось. Казалось, все происходит на сцене театра. Появился Макс, он был уже довольно далеко и медленно шел вперед, ощупывая землю палкой.

– Макс! – крикнула Энн.

Он обернулся, но, кажется, не увидел ее и продолжал медленно двигаться вперед. Энн попыталась догнать его, но ноги отказывались ее слушаться. Появилась ноющая боль в висках, щеки горели. Где она была на самом деле? Почему никто не слышит ее? Почему никто не понимает, что она здесь, рядом?

С трудом оторвав ногу от земли, Энн сделала один шаг, потом второй, потом третий. Широкие шаги – но продвинулась вперед не больше чем на дюйм. Она покачнулась и поставила руки, чтобы удержаться равновесие.

– Макс! – крикнула она еще раз, но он стал стремительно удаляться. Он бежал, не касаясь земли, и его силуэт становился все меньше и меньше. Свечение ослабло – эта часть

фантазмагории закончилась.

Энн снова была в темноте. Мокрые волосы облепили лицо. Пугающая тишина обволакивала все вокруг. Ни шорохов, ни скрежета, ни шагов.

Затаив дыхание Энн с трудом разлепила мокрые ресницы. Кругом мгла, влажная, горячая мгла – ничего кроме мглы. Где-то позади пролегла дорога, там стояла ее машина. Там было спасение. Но с пугающей ясностью Энн осознала, что пути назад нет. Она не сможет сделать ни шага. Все против нее. Она никогда не вернется назад. Она никогда не попадет в Сент-Мартинвилл, никогда...

Тишину прорвал однотонный звук трубы, тоскливый и глубокий.

Энн собралась с духом и обернулась. К ней приближался мужчина. На этот раз он держал лопату на плече, а другой рукой тащил за собой женщину. Она извивалась и вырывалась в полной тишине – ее голова была замотана серебристой лентой, которая глушила крик.

Энн хотела закричать, но мужчина прошел в двух шагах от нее, отвернув лицо. Она должна была остановить его! Остановить убийство!

Он бросил женщину на опавшие мокрые листья и стал собирать ветки и сучья для костра. Все происходило совершенно бесшумно. Ветки плавно опускались одна на другую, и куча хвороста постепенно оседала. Мужчина отошел в сторону, зажег факел и поднес пламя. Потом поднял тело жен-

щины и бросил его на горящую кучу хвороста, как будто это была еще одна ветка. Тело крутилось в воздухе в свете костра, руки и ноги болтались из стороны в сторону.

Энн подняла руки и закричала. Она шла вперед, на этот раз быстрее, чем раньше. Искры уже долетали до нее, обжигая лицо и ноги, ей казалось, что тысячи маленьких раскаленных добела иголок впиваются в кожу.

– Не убивай ее, – закричала она, – не убивай!

Макс бросил палку и кинулся бежать в ту сторону, откуда донесся отчаянный вопль.

– Ну, ну, не бойся. – Макс в считанные секунды подбежал к Энн, распростертой на земле. Девушка была бледна, волосы промокли и растрепались, а взгляд был устремлен в никуда. – Энни!

Энн закричала, она кричала снова и снова, размахивая руками, словно сражаясь с кем-то невидимым.

– Энни, – Макс попытался обхватить ее за плечи, – Энни, сделай вдох, сделай глубокий вдох.

Девушка издала странный булькающий звук и посмотрела на него. Нет, его она не видела, в его сторону был направлен пустой безжизненный взгляд.

Он встал на колени, стараясь поднять Энн, и тут же получил оплеуху. Девушка сражалась, как зверь, так, словно защищала свою жизнь.

Надо было действовать быстро и жестко, иначе Энн могла нанести увечья не только ему, но и себе самой. Он навалился

на нее всем телом, сжал ее руки, с трудом поднялся, прижимая ее к себе так, что лицом Энн уткнулась ему в грудь, и медленно пошел в сторону дороги.

– Неееет! – закричала она, вырываясь. – Прекрати это! Не мучай ее больше!

Макс старался не слушать ее крик – ведь этот бред ничего не значил. Или значил?

Нести Энн было нетрудно. Она была легкой.

– Все в порядке, – произнес Макс мягко, но достаточно громко, чтобы Энн его услышала. – Я тебе помогу. Сейчас все кончится.

– Нет, нет! Не сжигай меня! – Энн покрылась горячим потом. – Не сжигай меня, я не хочу умирать, как она!

Нервы Макса были напряжены до предела – слышать это было невыносимо. Наконец они добрались до машины. Энн утихла, тело ее расслабилось, и она позволила усадить себя на сиденье.

И в этот момент зазвонил мобильник. Макс взял трубку.

– Кто это?

– Ты еще не получил моего письма? – Макс показалось, что говорит автомат.

Глава 7

Макс сидел за чашкой кофе у окна кафе с забавным названием «Голодный взгляд». Собственно, это было не простое кафе, а книжный магазин, где можно еще и кофе выпить, и даже перекусить. Макс ждал шерифа Спайка Тревора и не сводил взгляда с его патрульной машины, припаркованной у входа.

Шериф Тревор вместе с семьей жил в пансионе Роузбэнк, где снимали квартиры и сам Макс, и его братья. Спайк стал совладельцем пансиона после того, как женился на Вивиан Пэйтин. Мать Вивиан, Шарлотта, также совладелица пансиона, жила там же, с семьей дочери и с Венди, старшей дочерью Спайка от первого брака.

Место встречи выбрал сам шериф, и оно вполне устраивало Макса. Здесь он надеялся встретить Энн.

Макс знал, что у Энн был старый «вольво»-седан, но сейчас Макс на парковке его не видел. Девушка обычно входила к себе домой через магазин, если он был открыт. Квартира Энн была на втором этаже, и, пройдя через зал и поднявшись по лестнице, она попадала к себе домой.

Энн заканчивала свой рабочий день у «Паппи» около шести вечера, когда ее сменял ночной менеджер, и Макс рассчитывал, что она будет дома в начале седьмого. Как только Энн поднимется к себе, он будет знать, что ей ничто не

угрожает.

Тем временем Спайк, сидя в машине и не отрываясь от экрана компьютера, был целиком поглощен разговором по рации. Макс начинал нервничать. Спайк настоятельно пригласил Макса «побеседовать» в «Голодном взгляде», но при этом ни словом не обмолвился о теме разговора. Макс, в свою очередь, предложил встретиться в офисе шерифа, на что тот ответил: «Пока нет нужды в формальностях». Это «пока» звучало угрожающе – Макс знал, что речь пойдет о Мишель Рейли.

После встречи с шерифом Макс собирался прогуляться между магазином и офисом Джо Гейбла, пройти по аллее и выйти к заднему выходу из магазина, который одновременно был парадным входом в жилую часть дома. Возможно, Энн припарковалась там и прошла к себе незамеченной. Кто знает, захочет ли она с ним разговаривать. Девушка с характером – может просто выставить его за дверь.

Макс посмотрел по сторонам. За соседними столиками беседовали завсегдатаи кафе. Никто не обращал на него внимания – именно это и было ему нужно. Что касается Энн, для себя он уже принял решение. Макс сделает все возможное, чтобы они были вместе. Он не даст ей себя оттолкнуть. Несмотря на нервный срыв, который случился с Энн этим утром, она категорически отказалась от медицинской помощи, даже от помощи Реб Жирар, к которой Макс собирался ее отвезти. Энн не собиралась ни с кем обсуждать своих про-

блем, а проблемы, несомненно, были. Она согласилась лишь на то, чтобы Макс отвез ее на работу. Она пыталась убедить его, что там ей будет лучше всего.

– Ничего страшного не произошло, – повторяла она ему снова и снова, пока они ехали в сторону Туссэна, – я думаю – это все сахар. У меня очень низкий сахар в крови. Маленький обморок, ничего особенного.

«Ну конечно, маленький обморок», – подумал Макс, маленький обморок, из-за которого человек говорит странные вещи, кричит, смотрит невидящим взглядом и сражается с кем-то невидимым, а потом наступает коллапс.

Возможно, у Энн и в самом деле было видение. Макс всегда весьма скептически относился к таким вещам, но последнее происшествие заставило его пересмотреть свою точку зрения.

«Ты еще не получил моего письма?» Эту фразу, произнесенную голосом Дарта Вейдера из «Звездных войн», Макс не мог выбросить из головы. Он уже слышал этот голос раньше, и не один раз. Однажды он попытался выяснить, откуда поступил звонок, и оказалось, что звонили из автомата. На этом поиски закончились.

Дождь, наконец, прекратился. Показалось лимонно-желтое солнце в легкой голубой дымке. Наступил вечер, но Энн не появлялась. Почему она до сих пор не приехала?

– Она скоро придет, дорогой мой.

Макс вздрогнул, услышав мягкий женский голос, пре-

рвавший его размышления, поднял взгляд и увидел Уазо (для малознакомых – Уазо де Ньюи).¹

Уазо, любимица Вивиан и Шарлотты, жила в Роузбэнке и вела там хозяйство, а в свободное время подрабатывала еще в нескольких местах, включая «Голодный взгляд».

Сказать, что Уазо была эксцентричной женщиной, – значило бы почти ничего не сказать. Уазо была не только эксцентричной, удивительно красивой и обаятельной, но в то же время независимой женщиной. Миниатюрная смуглянка с черными вьющимися волосами, женственная и непосредственная. Поговаривали, что она была любимой женщиной Нэта Арчера, отставного детектива департамента полиции Нового Орлеана по борьбе с тяжкими преступлениями, или проще убойного отдела. В городе Уазо считалась «неофициальной» собственностью Арчера, но ей самой такое определение вряд ли понравилось бы – Уазо не могла быть ничьей собственностью.

– Вы что-то сказали? – переспросил Макс. Он не ослышался, она действительно сказала, что Энн скоро придет, – он уверен, она имела в виду именно ее, хотя об их дружбе с Энн Уазо знать не могла. Даже если и знала – предположим, Энн ей сказала, – не могла же она прочесть его мысли.

Уазо, не глядя на Макса, налила в его чашку свежий кофе из кувшина, потом подняла голову и посмотрела на него сначала безразлично и отстраненно, а потом в ее глазах вспых-

¹ С фр. – птица ночи. (Примеч. пер.)

нул огонь, и тут ему показалось, что она просверлила его взглядом насквозь.

– Еще что-нибудь желаете?

– Спасибо, ничего больше. – Он покачал головой. – Но вы сказали...

– Ничего, – перебила его Уазо, – ничего я не говорила.

Макс нервно постучал пальцами по столу и вопросительно посмотрел на Уазо.

– Ну, мне пора возвращаться к делам, – сказала Уазо, нахмурившись и не переставая буравить его взглядом, – береги тех, кого любишь.

Улыбка осветила ее лицо.

– Уазо устала, а ты наслаждайся своим кофе, – сказала она напоследок и танцующей походкой направилась за стойку. Широкая юбка развевалась вокруг ее ног. Заняв свой командный пункт, Уазо продолжала внимательно наблюдать за Максом и за всем залом.

За книжными полками кто-то засмеялся, но Макс не было видно, кто смеется. Одинокое сидевший мужчина зашелестел газетой и принялся за свой сэндвич. Жизнь магазина-кафе шла своим чередом.

О чем, черт возьми, говорила Уазо? Что она знала? Макс нервничал и не сводил глаз с патрульной машины. Он еще не решил, как ему построить разговор с шерифом, что следует рассказать и о чем стоит умолчать. Он не знал, насколько откровенным следует ему быть. Одно Макс решил точно. Глу-

по и бесполезно рассказывать Спайку о телефонном звонке, ведь как только история Макса будет известна в Туссэне, он тут же станет притчей во языцех – а если Мишель не объявится в ближайшее время, то и первым подозреваемым.

Наконец Спайк вышел из машины и, раскланявшись с выходящей из магазина женщиной, направился к дверям. Макс внимательно изучал человека, от которого, возможно, будет зависеть его судьба. Голубоглазый блондин, стройный и мускулистый, в форме цвета хаки, которая сидела на нем как влитая, и надвинутой на лоб шляпе Спайк держался спокойно и уверенно и производил впечатление славного парня.

Для Макса время тянулось мучительно долго – хороших новостей он не ждал. Солнце окончательно скрылось за плотными облаками. Дождливый, пасмурный день быстро угасал. Наконец, зазвенел дверной колокольчик, и Спайк вошел в зал.

Макс приподнялся было, чтобы окликнуть Спайка, но Уазо его остановила:

– Сиди тихо, радость моя. К нам идет крутой законник. Заходи, Спайк, ты – обалденный мужчина. Давно тебя дожидаясь! Что тебе принести? У нас сегодня гумбо – просто пальчики оближешь, лучшее гумбо в городе. А еще... нет, нет, нет – гумбо будет как раз кстати. Лучше всего. Сейчас принесу тебе полную тарелку.

Макс уже достаточно освоился с кухней южных штатов и в хорошие времена сам с удовольствием заказывал гумбо, ап-

петитную, сытную похлебку из стручков бамии с мясом, курицей, крабами, томатами, креветками и устрицами, обильно приправленную базиликом и кайенским перцем. Он даже выяснил, что такое бамия, и знал, что завезли ее из Африки лет двести тому назад. Но сейчас о еде он и думать не мог.

Спайк стянул шляпу, ухмыльнулся Уазо, а она закружилась на месте, приложив руки к сердцу и всем своим видом показывая, что приход Спайка ее просто осчастливил. Черные локоны взметнулись вверх. Уазо просто впала в экстаз.

«Забавно, – подумал Макс, – она всегда так встречает Спайка или сегодня какой-то особенный случай?» Странная женщина – что на уме, то и на языке. Но все привыкли к этому, и никто, казалось, не принимал Уазо всерьез. Так что и ему не стоит. Мало ли что она сказала.

В зале раздался хохот, но Спайка шумная встреча несколько не смутила.

– Пожалуй, закажу гумбо, Уазо, – ответил он со смехом. – Я сяду за столик к Макссу, вон там у окна. И принеси мне черного кофе, погорячее.

Спайк уселся в кресло напротив Макса, и они пожали друг другу руки над сине-белой клетчатой скатертью.

– Вы знакомы с Уазо? – спросил Спайк.

– А как же! Спайк, вы не забыли – я живу в Роузбэнке. Там же, где и она. Неужели вы думаете, она позволит кому-то себя проигнорировать?

– Да уж.

– Похоже, она много работает – в самых разных местах, – сказал Макс, вглядываясь в дорогу за окном, – вот, недавно узнал, что и здесь тоже.

– Уазо работает еще у Джилли Готро в кафе «Плюшка», по утрам помогает в пекарне. Днем возвращается в Роуз-бэнк, приводит комнаты в порядок, следит за тем, чтобы все было, как ей нравится. Потом, к вечеру приходит сюда. – Спайк нагнулся к Максусу и добавил полушепотом: – Мне кажется, что Элли стала позже закрывать магазин только для того, чтобы дать Уазо подзаработать. Ей сейчас нужны деньги.

– Очень похоже на Элли, – ответил Макс и чуть было не сказал, что сможет пригласить Уазо работать в клинику, когда она откроется, – там будет много рабочих мест. Но, пожалуй, это была плохая идея – для непривычных пациентов Уазо могла превратиться в настоящий кошмар.

Итак, Уазо работала в пекарне при булочной, через которую по утрам проходил почти весь город, а многие возвращались перехватить чего-нибудь к ланчу. Кроме того, лечила домашних животных. Она называла себя «звериным терапевтом» и снимала стрессы у избалованных домашних собак и кошек, но и это было не все. Уазо гадала и предсказывала будущее, пела на похоронах и могла – при необходимости – навести порчу.

Уазо быстро обслуживала посетителей за стойкой кафе, время от времени прищелкивая пальцами в такт песням в

стиле кантри, которые лились из старого приемника, прижатого к стенке большой банкой с солеными леденцами. По какому-то сигналу, возможно, это был сигнал «мяу!», но Макс его не слышал, она отворила дверь, посмотрела вниз и уже через минуту предстала перед посетителями кафе с изящной белой кошечкой на плечах. Кошка, которую звали Ирен, спокойно смотрела на всех своими египетскими в черных обводах глазами.

Нет сомнений, департамент здравоохранения не одобрил бы появление животного на предприятии общественного питания, зато завсегдатаи кафе были в полном восторге.

– Ирен, душечка, Ирен, ты наша радость, – слышалось отовсюду, и Макс понял, что это существо здесь давно и надолго. «Душечка Ирен» только морщила губу, с достоинством принимая восторги публики.

– Макс, вы мне звонили, – сказал Спайк.

– Я просто перезвонил в ответ на ваш звонок, – ответил Макс.

– Так дело не пойдет, Макс. – Спайк улыбнулся и покачал головой. – Почему бы вам не рассказать, что у вас на уме, а я расскажу, о чем думаю.

«Бессмысленно хитрить и утаивать факты, – подумал Макс, – ничего я этим не выиграю».

– Спайк, я думаю о Мишель Рейли. Надеюсь, вы пригласили меня потому, что у вас хорошие новости.

Уазо с Ирен на плечах принесла кофе Спайку, вниматель-

но посмотрела на обоих и ускользнула к себе за стойку.

– Я вас пригласил не для этого, – ответил Спайк. – У нас нет никаких улик – ни одного следа, Макс. Только та информация, которую вы мне предоставили. Мишель обедала с вами и вашими братьями. Потом вы отвезли ее в «Мажестик», вы видели, что она вошла в холл. Все. С тех пор ее никто не видел. Она исчезла.

– Мы оба знаем, что она не исчезала. – Макс снова и снова мысленно проигрывал тот вечер. Он оставался у отеля до тех пор, пока свет в холле не погас, и только после этого уехал. Что могло с ней случиться? – Она вошла в отель. Если бы что-то случилось – кто-то на нее напал, – то как Долл и Гейтор могли не услышать шума? Почему нет никаких следов борьбы?

– А вот это вы мне расскажете.

– Повторите. – Макс похолодел.

– Я сказал, что это вы мне расскажете, почему нет никаких следов борьбы и почему никто ничего не слышал. Что-то у меня никаких идей нет. И, в отличие от вас, я никогда эту женщину не видел.

Макс нахмурился, взглядом подозвал Уазо и заказал еще чашку кофе. Ему нужно было взять паузу. Уазо тут же подошла к их столику, держа в одной руке тарелку гумбо для Спайка, а в другой – кувшин с кофе. Поставив тарелку перед Спайком и налив кофе, она внимательно посмотрела на обоих.

– Осадите назад, мужики, – серьезно сказала Уазо, переходя на шепот. – У вас серьезные проблемы. Я чувствую запах беды, большой беды.

Она втянула носом воздух и вернулась за стойку.

Макс сидел опустив глаза. Опять, второй раз ему говорят о запахе беды. Сначала Энн в забытии просила не убивать ее и не сжигать, теперь Уазо говорила о запахе – запахе гари, быть может. Если бы он был трусом по натуре – давно бы сбежал из этого города. Но что толку, куда бы он ни сбежал, он не сможет остановить это безумие.

Уазо принесла маисовый кекс, приготовленный по рецепту ранних колонистов из кукурузной муки, молока и яиц, и медовое масло и присела за стол.

– Уазо, ты ушла с рабочего места, – заметил Спайк.

– Ничего, господин законник, мне и здесь всех видно, – ответила Уазо с усмешкой.

– По-моему, кто-то ищет вас в книжном отделе, – присоединился к шерифу Макс.

Уазо посмотрела на него с нескрываемой жалостью:

– Они знают, где меня найти. А в книгах я не спец. У нас группа консультантов сидит у другого входа – они все знают, на любой вопрос ответят. И мне хорошо – и они при деле. Эта Мишель приехала на работу устраиваться, в Грин-Вейл, так? Его раньше называли Домом душевного покоя, чтоб вы оба знали.

Уазо сняла кошку с плеч и усадила на колени. Ирен с ин-

тересом поглядывала на мужчин своими зелеными с золотыми ободками глазами.

– Мы знаем, как называли этот дом раньше, Уазо, но спасибо за информацию, – ответил Спайк.

– Она умерла, эта женщина. Я знаю, я это вижу.

– Кто умер? Что вы видите? – Макс откинулся назад. Ему показалось, что его ударили. Может быть, Уазо сказала и про огонь – а он не услышал?

– Это нелегко – я не могу включить свое видение, как картинку. Надо ждать, чтобы она стала четкой. Но Мишель больше не с нами, – ответила Уазо.

– Уазо, такими вещами не шутят! – ошетинился Макс.

Спайк с аппетитом уплетал свою похлебку, демонстративно не обращая внимания на Макса. Но Уазо припасла кое-что и для него.

– Вивиан, – резко сказала Уазо, нацелив свой указательный палец с ярко-красным наманикюренным ногтем на Спайка. – Как она себя чувствует? Ее младенец благословен, я это чувствую.

Уазо закрыла глаза, подняла подбородок вверх и глубоко вздохнула.

– Тот, другой младенец не мог остаться с нами, он ушел, у него был свой путь. А этот мальчик здесь придется ко двору.

Макс поразился тому, как изменилось лицо Спайка. Ни следа спокойного безразличия не осталось на нем – только тревога и боль.

– Мы не знаем, кто у нас будет – мальчик или девочка, – ответил он. – Спасибо за добрые слова. Осталось ждать несколько недель.

– А теперь слушай меня. – Уазо прикрыла ладонь Спайка своей. – На этот раз все будет хорошо – бояться не нужно. Твой малыш нуждается в энергии – и он возьмет все, что надо, у Вивиан. Она сейчас измучена – но ты сам сказал, ждать не долго. Она не спокойна – думает об ушедшем ребенке. Об этом думать не надо.

Макс знал, что Вивиан на последнем сроке беременности, но ничего не слышал о ее печальной истории. Надо будет выбрать момент и подбодрить ее. А теперь им со Спайком хорошо бы избавиться от Уазо. Макс протянул было руку, чтобы погладить Ирен, но кошка зашипела, показав все свои зубы, и он решил не повторять попытки.

– Не принимай ее шипение всерьез, – сказала Уазо. – Я говорила Энни, Ирен нужно мое лечение. Кошка страдает. Энни говорит, ее очень рано забрали у матери – и забрал мужчина.

Бывают моменты, когда наилучшая реакция – полное безразличие. Макс откинулся на спинку кресла и поднял подбородок. Он выглядел абсолютно спокойным, во всяком случае, ему так казалось.

– Уазо, – сказал Спайк после затянувшейся паузы. – Еще раз спасибо на добром слове. Прости меня, но у меня с Максом деловая встреча.

– Ты знаешь, где меня найти. – Уазо с улыбкой вышла из-за стола.

– Вы знакомы с Энн Дьюгон? – спросил Спайк, как только мужчины остались одни. – Да, вы знакомы.

«Дерьмо», – выругался про себя Макс, но вслух сказал равнодушно:

– Я знаю, кто это. Она – менеджер у «Паппи».

– Ну, само собой. Только почему у вас вид такой виноватый?

– Ничего подобного, – спокойно ответил Макс. Врать ему не хотелось, но их отношения с Энн афишировать было нельзя.

– Если вы предпочитаете так строить разговор – ваше дело. Тогда скажите мне, где я могу найти Мишель Рейли. Мне нужны любые идеи и догадки. Мы начали процедуру поиска человека, пропавшего без вести. Пока я удерживаю все в своей юрисдикции и использую только своих людей. Но долго это продолжаться не может. Я не могу покрывать вас бесконечно.

– Я не просил вас покрывать меня или что-то в этом роде, – резко ответил Макс.

– Вы не просили. И уже завтра мы будем по уши в дерьме. Люди не дураки – они все понимают. Вы ничего не хотите мне рассказать? Что-нибудь из прошлой жизни?

Шериф спрашивал, чтобы дать ему шанс рассказать все самому, подумал Макс. Спайк, безусловно, проделал боль-

шую работу. Впрочем, это было совсем нетрудно – найти его досье и выяснить, какие у него были проблемы с законом. Он был признан невиновным, но это не так уж много значило, раз аналогичные преступления повторялись.

– Вы нашли какие-то следы в отеле?

Спайк не спеша отправил в рот несколько ложек гумбо и только после этого ответил:

– На ее личных вещах много отпечатков – одинаковых. Ну так что? Наверняка это ее собственные. Она не могла пользоваться своими вещами, не трогая их. Никаких следов борьбы не обнаружено. И не похоже, чтобы кто-то рылся в ее вещах. Те же отпечатки на входной двери и на ручке. И дверь, и ручку вытирали.

– Когда? Когда они протирали дверь? – Макс наклонился вперед.

– Прошлым вечером. Долл сказала, что она всегда протирает входную дверь, прежде чем отправиться спать. На всякий случай, если кто-то приедет поздно ночью. Гиббсы ложатся спать около одиннадцати.

– До того, как я привез Мишель, – ответил Макс почти беззвучно, – значит, если кто-то приехал в отель до одиннадцати и ждал Мишель, его отпечатки стерты.

Макс почувствовал, что впадает в отчаяние. Его положение становилось безнадежным. Но он не собирался сдаваться. Он будет бороться до конца.

– Вы правильно все поняли. Гейтор был в отеле с момента

открытия утром, и это все. Он оставил дверь открытой.

Макс увидел, как с Мейн-стрит из-за деревьев подъехала машина, красный «вольво», и, объехав газон, припарковалась сразу за машиной Спайка. Макс облегченно вздохнул и отвернулся от окна – Энн благополучно добралась до дому.

– Макс, – спросил Спайк, нахмутив брови и обхватив голову руками, – ничего не хотите мне сказать?

– Почему бы нам не поговорить у вас в кабинете?

– Я уже объяснил вам. Это неофициальная беседа. Я пока не решил, что делать, и потом, здесь проще говорить – можно расслабиться.

Макс не мог ни расслабиться в присутствии шерифа, ни разговаривать, не опасаясь, что каждое его слово могут услышать.

– Вы проверяете меня, шериф, ведь так? – спросил Макс. Он слышал, как хлопнула дверца машины, и увидел, как Энн, нагруженная тяжелыми сумками, заходит в зал.

– Проверяю. И вы не можете не догадываться почему. – Спайк не отрываясь смотрел Максу в глаза. – Вы ведь понимаете, что меня беспокоит? Либо вы – серийный убийца, либо серийный убийца из-за вас впал в бешенство.

Спайк не шутил, и Макс никогда не чувствовал себя в большей опасности.

– Мы должны найти Мишель, – сказал Макс, не отводя взгляда, но чувствуя, как панический ужас парализует его. – Этот кошмар начался давно, когда я учился в колледже. Я не

хочу, чтобы в городе знали о том, какие обвинения выдвигались против меня. Одна из причин, почему я решил остаться в Туссэне, – тут никто не упоминал о моей истории, хотя я живу здесь уже несколько месяцев. А если бы кто-то знал – узнали бы все, и пошли бы разговоры. Конечно, Мишель важнее всего, но я, я хочу остаться здесь. Не могу больше убегать. Если я попытаюсь скрыться... Господи, я боюсь, что снова кто-нибудь умрет. Я боюсь, что Мишель мертва.

– Да... Не могу вас винить.

– Спайк, вы тоже так думаете?

– Я не собираюсь гадать. Никаких предположений, пока мы не найдем ее – живую или мертвую. Но чем дольше эта женщина отсутствует – тем меньше шансов найти ее живой.

Слушая Спайка, Макс думал об Энн, и на него снизошло озарение. Он понял, как поступить. Он должен убедиться в том, что с ней все в порядке, добиться, чтобы она его выслушала, и рассказать о своих чувствах и о том, почему им нельзя быть вместе.

– Я проверил, Мишель не улетела тем самолетом, на который у нее был билет. По правде, я и не думал, что она могла улететь.

Это было как удар под дых.

– Черт, я тоже, но я надеялся. – Макс чувствовал, что погружается в отчаяние.

– У Мишель была с собой сумочка?

Макс потер переносицу.

– Наверное, была, должна была быть. Там были Келли и Роджер – может быть, они помнят.

Макс представил себе, как они сидели вчетвером за столиком у стеклянной стены ресторана в Роузбэнке. Мишель много смеялась и была очень хорошенькой.

– Значит, вы забрали ее из отеля, провели с ней весь день и потом ужинали с ней и с братьями. Где?

– В ресторане, в Роузбэнке. У них там отличная кухня.

Спайк был слишком сосредоточен на деле и не заметил слабой попытки Макса пошутить.

– Когда вы впервые узнали о том, что Мишель пропала?

– Вчера за ланчем, у «Паппи». Приехали Гейтор и Долл и рассказали.

Спайк не отводил от Макса пронзительного буравящего взгляда.

– Как мне сказали сослуживцы Мишель в Нью-Йорке, они знали, куда она поехала и зачем. Я ждал, сколько мог, прежде чем поставить их в известность о ее исчезновении.

– Когда вы это сделаете, для меня все будет кончено – раз и навсегда, – ответил Макс и закрыл лицо руками.

Все те, с кем работала Мишель, хорошо знали Макса и его историю. Они были обычными людьми и опасались за Мишель. Они, конечно, заподозрят именно его.

– Хорошо, что вы это сказали, Макс. Но времени у меня очень мало. Что вы можете еще добавить – мне нужна какая-нибудь зацепка. Что-нибудь! Нутром чую, вы не серий-

ный убийца. Не будет такой человек, как вы, рисковать всем на свете и... Если вам нечего добавить – то у меня выбора не будет. Я не думаю, что вы виновны в исчезновении Мишель, но мне придется действовать так, как будто виновны.

– И что вы сделаете? Арестуете меня? – Макс резко отодвинул чашку с кофе.

– Остыньте! Я не собираюсь вас арестовывать. Пока. Будет у меня хоть что-то против вас – и я посажу вас в тюрьму.

– Чего вы от меня добиваетесь?! Я ничего не делал. Поймите, наконец, я больше вас хочу ее найти, – уже не сдерживая раздражения, ответил Макс, чувствуя, как его лоб покрывается холодным потом.

– В вашем положении не стоит повышать голос, – отчеканил Спайк. – Вы единственный подозреваемый в этом деле, и я пришел сюда, чтобы довести это до вашего сведения.

– Но вы даже не начали искать! – ответил Макс. Кровь застучала у него в висках.

– Конечно начал. И ваши телефонные разговоры мы отслеживаем, и выясняем, кто вам звонит. Кончайте молоть всякий вздор и скажите, где она. Массу времени сэкономите и нам, и себе.

– Спайк, я не знаю, где она! Мишель – мой друг. Я никогда не мог бы сделать ей ничего дурного. Я хочу помочь. Братья уже спрашивали меня, почему нас не вызвали для участия в поисках.

– Не самая лучшая идея – пригласить подозреваемого на

поиски тела жертвы. Вам не приходило в голову, что я смогу вытащить на свет всю вашу подноготную? Хотя такое уже случилось – убийца искал жертву вместе с полицией. Или вы нас принимаете за идиотов?

– Говорю вам, Спайк, у меня есть враги. Кто-то так меня ненавидит, что на все готов, лишь бы уничтожить. – Макс сцепил ладони с такой силой, что пальцы захрустели.

– Это вы так говорите, – ответил Спайк, – а мы обыщем все окрестности и, я думаю, найдем труп.

Глава 8

Спайк встал, скомкал и выбросил старые счета, кивнул Максу и отошел от стола, но, увидев своего отца, Хоумера Тревора, остановился.

– Привет! Не видел, как ты вошел. Как дела? – сказал Спайк, подходя к отцу.

Макс остался сидеть за столом. Кровь стучала в висках, сердце колотилось. Звуки, доносившиеся из зала, казались ему далекими, будто он был отделен от всего мира ватной стеной. Макс смотрел на Хоумера, стоявшего рядом с сыном и теребившего поля своей соломенной шляпы, и был благодарен ему за то, что тот не обращает на него внимания.

– Спайк, надо поговорить. Откладывать нельзя! – Хоумер говорил громко, ни на кого не обращая внимания.

Макс уже успел привыкнуть к местным нравам. Люди здесь могли рассказывать о самом, казалось бы, личном, не обращая никакого внимания на окружающих. Хоумер, похоже, собирался вывернуть себя наизнанку и сказать сыну что-то малоприятное.

Столики опустели, последний посетитель замер с газетой у стойки бара.

– Я тебя удивлю, – продолжал Хоумер.

– Уже удивил, отец. Давай-ка выйдем на улицу.

– Мне и здесь хорошо. Я хочу, чтобы весь город знал то,

что я сейчас тебе скажу. Мне надоело, что все болтают у меня за спиной.

Макс отметил сходство отца с сыном. Оба высокие и стройные, только Хоумер седой, более худощавый, с мужественным, покрытым глубокими морщинами лицом. Было видно, что Хоумера жизнь не баловала.

Энн подошла к стойке, держа на руках Ирен. Макс подумал, что девушка, наверное, слышит разговор старшего и младшего Треворов, и не мог решить, что делать ему самому.

– Хоумер, давай выйдем на улицу... – обратился Спайк к отцу.

– Стой, где стоишь, и слушай! Я все скажу! Ты мужик или нет? Ты что, ничего не видишь и не слышишь? Оглух?

Спайк поймал взгляд Макса и густо покраснел.

– Не пойму, о чем ты, отец. Я зайду к тебе в магазин попозже, там и поговорим.

Хоумер управлял небольшим магазином товаров повседневного спроса и бензозаправкой, расположенными на окраине Туссэна. Дополнительный доход ему приносил прокат лодок, благо река была в двух шагах, и продажа наживки для рыболовов.

– А я не собираюсь туда идти, – ответил Хоумер, – и не знаю, где я буду «попозже»! Так ты не заметил, что я не появляюсь в Роузбэнке?

– Нет, не заметил. – Спайк побагровел и напрягся. Разговор не предвещал ничего хорошего. – Так почему ты не за-

ходишь?

– А потому, что у меня нет такой носорожьей кожи, как у тебя! Я не выношу, когда за моей спиной болтают! И я не желаю, чтобы меня называли «купленным мужиком». Ты ничего знать не хочешь, или что... Тебе не важно, когда все болтают? Или что ты живешь за счет жены и тещи. Так что с Шарлоттой все ясно... Я выхожу из игры!

Даже Макс слышал, что Хоумер и Шарлотта были обручены и вот-вот обвенчаются.

– Думай, что говоришь! – взвился Спайк. – Я не из-за денег женился на Вивиян! Когда мы познакомились, у нее ничего не было, кроме проблем. Мы вместе, потому что любим друг друга. И хватит об этом!

– Говорю, что считаю нужным! Пора тебе открыть глаза!

– Отец, прекрати!

– Не затыкай мне рот! Я все решил. Мне не нужны бабьи деньги. Я – независимый человек и не буду подкаблучником. И я откажусь от Шарлотты Пэйтин. Так будет лучше и для меня, и для нее.

Энн стояла, опершись локтями на стойку и обхватив голову руками. Ирен устроилась на плечах у хозяйки, изображая пушистый белый воротник на белой блузке. Уазо, пристроившись рядом с Энн, пристально смотрела на Хоумера.

Максу меньше всего хотел присутствовать при ссоре отца с сыном, но он не мог уйти, не убедившись в том, что Энн поднялась к себе и находится в безопасности. Макс собирал-

ся сделать несколько телефонных звонков тем людям, которые были как-то связаны с офисом шерифа и могли располагать какой-то информацией. Но еще неизвестно, захотят ли они с ним говорить, подумал он, все беспокоились о судьбе Мишель, а он стал первым подозреваемым.

Спайк и Хоумер мрачно смотрели друг на друга.

– Теперь послушай меня, – заговорил Спайк. – Ты – полный болван и упрямый осел! Нам с Вивиан твои советы не нужны. Не смей совать нос в наши дела. Никогда! Ты о Венди помнишь? Это твоя внучка, между прочим. Так вот, она никогда не была так спокойна и счастлива, как теперь, когда живет с Вивиан и Шарлоттой. И если ты обидишь Шарлотту, будешь иметь дело со мной. Я все сказал.

Шериф стремительно вышел на улицу, хлопнув дверью. Его отец, постояв пару минут и выплюнув жвачку на пол, последовал за ним, хлопнув дверью еще сильнее. Что ж, он своего добился. Уже сегодня их стычку будет обсуждать весь город. Макс увидел, как несколько женщин, наблюдавших за ссорой из-за книжных полок, дружно собрались вместе и принялись обсуждать замечательный спектакль, который только что видели.

Энн подняла с пола свои сумки, обменялась несколькими фразами с Уазо и направилась к заднему выходу из магазина.

– Энн Дьюгон, на этот раз я быстро тебя нашел! – Мужчина, сидевший рядом со стойкой, отложил газету. – Так что постой-ка, не беги. Нужно сказать тебе пару слов.

Энн замерла на месте. Тяжелые сумки оттягивали руки. Она даже не обернулась. Макс кожей почувствовал, что девушка в панике.

– Ты что, боишься меня, Энн Дьюгон? Боишься старого доброго друга? Или заважничала – знать никого не хочешь?

– Привет, Бобби. – Энни заставила себя обернуться и посмотреть на него.

«Господи, да ведь она его боится», – подумал Макс. Он не так уж много знал об Энн и ничего – о ее прошлом. Но она всегда – если не считать сегодняшнего дня – была спокойна и уверена в себе. А кроме того, Бобби вовсе не казался Максиму опасным. Обычный американский парень, высокий, ладно скроенный, с широкой улыбкой на симпатичном лице. Чувство, нахлынувшее на Макса, было ему незнакомо – это была даже не ревность – на его собственность кто-то покушался.

– Хорошенькая кошечка, – продолжал Бобби, – пожалуй, выпью еще чашечку кофе. Что скажешь, посидишь со мной? Нам есть что вспомнить.

Энн обвела взглядом кафе и увидела Макса, посмотрела на него, потом на Бобби. Лицо девушки словно окаменело. Макс видел, что Энн попала в ловушку. Он улыбнулся, и Энн слегка улыбнулась в ответ.

– Может быть, время неподходящее. Могу зайти в другой раз, – сказал Бобби.

– Напиши свой телефон, я перезвоню как-нибудь, – ответила Энн.

– Послушай, я не собираюсь лезть в твою новую жизнь. Поговорим о старых временах. Вспомним кое-что. У нас с тобой было много хорошего. – Бобби криво улыбнулся. В его словах Макс уловил мальчишескую влюбленность и намек на интимную близость, и от этого ему стало еще тяжелее.

– Бобби, тогда мы были детьми, – ответила Энн, – но наши пути давно разошлись. У каждого – своя жизнь. Я не вспоминала о тебе.

– Ты всегда умела унижить человека, – возразил Бобби.

– Знаешь, это ты чувствуешь себя униженным – я тебя не унижала. У меня еще много работы – надо с документами разобраться, – сказала Энн и подняла сумки, собираясь уходить.

– Совсем плохо дело. – Бобби не собирался отступать. – Знаешь, когда мы виделись в последний раз – не считая сегодняшнего утра, – мы уже не были детьми. Ты себе не представляешь, что я пережил той ночью – я...

– Спасибо тебе, что ты оказался рядом, когда я нуждалась в помощи, – ответила Энн и посмотрела на Макса. «Почему Бобби явился сюда в то время, когда Макс рядом?» – подумала она. Что ему нужно после стольких лет? И самое главное, Макс слышал все, что сказал Бобби, и, возможно, захочет узнать об их отношениях. Остатки спокойствия, которые ей удалось вернуть себе днем на работе, испарились.

Энн поставила сумки обратно, сняла с плеч кошку и передала ее Уазо со словами:

– Совсем забыла – надо кое-что сделать. Вернусь через полчаса.

– Энни, как прошел день? – спросил Макс, улыбнувшись, но от его улыбки девушке не стало спокойнее на душе.

Энн сделала глубокий вдох и, стараясь не выдать своего смятения, обернулась к Макс:

– Привет, Макс. День прошел отлично. Спасибо. Дела шли хорошо – а когда бизнес в порядке, и я в порядке. Заходил Келли, а он умеет порадовать собеседников.

– Рад слышать, – ответил Макс, но его тон не успокоил Энн. Она чувствовала, что появление Бобби задело его за живое.

– Я пришел сюда повидаться со Спайком, – сказал Макс, – до сих пор нет никаких известий о Мишель Рейли.

«Ну конечно, Мишель!» Он волновался из-за Мишель, а совсем не из-за нее. Что это она о себе возомнила? – подумала Энн, а вслух сказала:

– Сочувствую тебе. Келли тоже говорил о Мишель. Предлагаю, как вы все переживаете.

Энн поймала тоскливый взгляд потемневших глаз Макса.

– Да, – односложно ответил он.

Энн машинально отметила, что даже в такой момент уголки губ Макса приподняты, как будто он готов улыбнуться при первой возможности.

– А что они делают, полиция, я хочу сказать? – спросила Энн.

– Обыскивают все окрестности. Опрашивают друзей, знакомых. Родню. Обычная процедура, я думаю.

– Так как насчет кофе со мной, – вступил в разговор Бобби, – кажется, ты уже не спешишь?

– А Бобби прав, – ответила Энн, не отводя взгляда от Макса, – мне давно пора бежать. Пока!

Девушка решительно вышла на улицу. Макс видел, как она села в свой красный «вольво», выехала из зоны видимости, но на повороте на Мейн-стрит так и не появилась. Она могла использовать маленькую улочку, которая выходила на площадь, или поехать по аллее, которая соединяла въезд в кафе и парковку у служебного выхода. Оттуда Энн попадала прямо к себе в квартиру. Макс надеялся, что она поехала домой, а не стала бесцельно колесить по городу. Ему было бы так спокойней.

Макс не имел ни малейшего желания ни смотреть на Бобби, ни разговаривать с ним. Непонятная злоба нахлынула на него. Он был готов прижать Бобби к стене, как следует отколотить и объяснить ему, что Энн волновать нельзя. С трудом сдерживаясь, Макс встал и приблизился к стойке. Уазо тут же подошла к нему.

– Эта Энн – она в беде. Ей угрожает опасность, – сказала она, и Макс наклонился к ней поближе, чтобы их разговор никто не услышал.

– Какого рода опасность, Уазо?

– Макс, люди обычно смеются надо мной. Но это по глу-

пости. Я получаю знаки. Я вижу то, чего другие не видят. Сколько раз это было. Слишком часто.

Уазо замолчала, а Макс терпеливо ждал, когда она продолжит рассказ.

– Я вижу что-то, что потом случается. Или чувствую. И моя мама видела, и бабушка. Это у нас в роду. Но на этот раз все хуже. Я не знаю, что именно случится, – но чувствую, что-то ужасное. Страшное. И твоя Энни – в самом центре. – Уазо замолчала, собираясь с духом, и посмотрела прямо в глаза Макс. – Это и тебя может задеть, – добавила она, – но главное – Энн.

Макс, как хирург и ученый, всегда был уверен, что все эти видения и знаки – просто бред. Но сейчас его уверенность слабела с каждой минутой. Уазо сказала «Твоя Энни». Откуда она могла знать об их отношениях – о них никто не знал. Разве только от самой Энн, но она не меньше Макса старалась скрывать свою личную жизнь от чужих глаз.

– А что, у тебя с Энни что-то наклеывается? – Бобби угрожающе посмотрел на Макса. Парень явно напрашивался на неприятности.

– Замолчи! Я тебя не знаю и знать не хочу, – ответил Макс.

– Конечно не знаешь. Но ты меня боишься – я твой соперник, так? Что ж, боишься не зря.

Макс инстинктивно напрягся, приготовившись дать нахалу физический отпор, но тут же одернул себя – Энн вряд ли понравится драка в ее честь на глазах у изумленной публики.

– Доброй ночи, – сквозь зубы процедил он и собрался выйти на улицу.

– У меня ночка и впрямь будет добрая, – ухмыльнулся Бобби, – я так планирую.

Макс не знал, вернулась Энн к себе или нет, одна она у себя в квартире или кто-то к ней зашел, но в любом случае он не мог быть спокоен, пока этот тип ошивается в двух шагах от нее. Макс подошел к стойке и с преувеличенным интересом стал рассматривать выставленную на ней выпечку. Потом поглядел на часы.

– Я и не думал, что уже так поздно, – а у меня еще куча дел. Уазо, когда вы закрываетесь?

– Через час или около того.

– Тогда я у вас перекушу – потом времени не будет. Мне пирог со шпинатом и охлажденный чай, пожалуйста.

– Пирог со шпинатом – это листовая капуста в тесте, в которую завернута всякая всячина – красная фасоль, жареный лук, острая свиная колбаса и рис, – предупредила Уазо.

– Годится, – ответил Макс. – Что думаете по поводу погоды? Кажется, все спокойно.

– Не совсем, похоже, опять будет ливень, – ответила Уазо.

– Надеюсь, вы ошибаетесь, – сказал Макс и вернулся за свой столик. Уазо подошла забрать грязную посуду, но на этот раз обошлась без каких-либо замечаний или предупреждений.

Почувствовав взгляд Бобби, Макс обернулся к нему. Боб-

би улыбался широко и добродушно.

«Странный тип, – подумал Макс. – Жаль, Роджера нет – как психиатр он мог бы заинтересоваться его поведением».

– Сдается мне, Энни ничего не говорила вам о себе, кто она и откуда. Когда человек убегает из дома сломя голову и прячется неизвестно где – ясно, он ничего о себе не скажет. Так как, много вы о ней знаете? – Бобби на глазах терял свое добродушие.

– С какой стати она должна передо мной отчитываться? – парировал Макс.

– Должна – не должна! Скажи, ты с ней трахался, да? Ну ясно, трахался! Она со всеми мужиками подряд трахается, у нее не заржавеет!

Макс выскочил из-за стола и навис над Бобби.

– Ты что себе позволяешь?! Мужик! Какой ты мужик?! Нормальный мужик никогда не будет так говорить о женщине, да еще когда рядом другая.

– Рядом, говоришь. – Бобби с туповатым видом посмотрел вокруг.

– Какого рожна тебе надо? Энни послала тебя куда подальше, а ты все никак не успокоишься?

– Ну, не скажи! Эта девка – сущий огонь! Чего только она у меня не вытворяла!

– Какого черта ты все это несешь?!

– Так о тебе забочусь, парень! Ты – такой джентльмен, просто уухх! Зачем тебе девка «б/у»?

Макс схватил Бобби за плечи и наклонил его вместе с креслом почти до пола. Передние ножки кресла зависли в воздухе. Бобби пытался вырваться, хватался за рубашку Макса, ему даже удалось ударить Макса ногой в живот.

– Только скажи еще раз что-нибудь об Энн, – зарычал Макс, – я тебя по стене размажу. Последний раз тебя спрашиваю, какого рожна тебе здесь нужно? Зачем лезешь к Энни? Она никогда ни слова ни о ком дурного не сказала.

– Ты посмотри! Как она тебя завела! Так вот, Энн – моя первая женщина. Но это – моя проблема. И что она сейчас меня видеть не хочет – тоже моя проблема.

– Так вали отсюда, раз она тебя знать не хочет!

– А это мы еще посмотрим. Я уйду, когда мне надо будет. Энн Дьюгон должна мне кое-что. Не все в этой жизни можно исправить – но попробовать-то можно.

Макс начал медленно поднимать Бобби вместе с креслом, но тот не унимался.

– Тебе бы переспать с ней, когда ей было шестнадцать. Вот это была штука!

– Тринадцать лет прошло, а ты все не уймешься? Забуди о ней и живи спокойно. – Макс снова опустил кресло.

– Да я живу спокойно. И неплохо живу. Но мне нужно уважение, немного респекту. Я страдал из-за нее. Было время, я ей помог – да что помог, я ее спас! А она тут как сыр в масле катается, а от меня нос воротит! – Бобби перешел на крик. – Вся моя родня была против нее. Они мне так и не

простили, что я с ней путался. Она – порченная, ты понял!

Макс почувствовал, как злоба душит его. Сейчас он раз-
мозжит этому ублюдку голову.

– Да, она порченная! – кричал Бобби. – Порченная, но я все равно хочу ее вернуть! Я ей все прощу и приму ее назад. Она была ребенком. А взрослые вмешались – я, конечно, и сам был уже взрослым, – но мне не дали быть с ней.

– Ты что такое говоришь? Ты был с ней, когда ей не было шестнадцати?! Совратил малолетнюю?

– Кончай ты это! Я знаю, почему она от меня бежит – все еще любит! Так что ты вали – найди себе свежую телку!

Макс разжал руки, и Бобби вместе с креслом рухнул на пол. Кресло разлетелось на части, а Бобби уперся головой в стойку бара.

– Скажи Элли, что я зайду и заплачу за этот разгром, – обратился он к Уазо, – и забудь все, что сказал этот кретин.

С этими словами Макс перешагнул через Бобби и, потирая лоб, поспешил к выходу.

– Будет сделано, начальник, – спокойно ответила Уазо и положила перед собой на стойку маленький револьвер.

Глава 9

Выйдя из «Голодного взгляда», Макс сразу повернул налево и пошел вдоль дома мимо большого окна кафе. Если Бобби и смотрел ему вслед, он никогда не догадается, что Макс отправился вслед за Энн. Красный «бокстер» Макса остался на стоянке напротив окна – Макс надеялся, что Бобби не знает, кто хозяин автомобиля. Итак, Макс отправился в обход в поисках служебного входа в здание. Он вышел на боковую улочку, на которую выходил офис Джо Гейбла.

Единственное, что беспокоило сейчас Макса, – это безопасность Энн. Он не мог допустить, чтобы Бобби снова напугал ее. Доверять Бобби было нельзя. Что же касается той информации, которую он сообщил ему, – что ж, Макс, возможно, обсудит ее с Энн, если ему удастся встретиться с ней сегодня, а может, и не скажет ей об этом ни слова. Уж как сложится. Конечно, Макс слукавил бы, сказав, что ему безразлично то, что про изошло с Энн в Сент-Мартинвилле несколько лет тому назад.

Макс, как только отошел достаточно далеко от кафе, позвонил в офис Спайка и попросил о встрече в «Голодном взгляде». Разумеется, о пистолете Уазо не было сказано ни слова.

Максу удалось уйти с площади так, что никто из сидящих в кафе не мог заподозрить, что он отправился вслед за

Энн. Это была самая легкая часть его предприятия. Теперь надо было подойти к служебному входу в кафе, через который можно было войти в квартиру Энн. Это оказалось гораздо труднее. Когда же Макс добрался до того места, где, по его расчетам, должен был находиться служебный вход, перед ним выросла высокая кирпичная стена, отделяющая от улицы двор, примыкавший к мастерской каменщика.

В этот час во дворе никого не должно было быть, во всяком случае, Макс на это надеялся.

Он разбежался, запрыгнул на стену, благо кроссовки не скользили, и удержался наверху. Перед ним был темный двор мастерской, заставленный штабелями обработанных камней и кирпича. Макс не мог выкинуть из головы мысль о том, что Бобби в любой момент может вломиться к Энн, и решил пробираться дальше. Оказавшись на другой стороне двора, он снова взобрался на стену. Урра! Он увидел перед собой жилую часть здания «Голодного взгляда», домик для гостей с темными окнами, прятавшийся в зелени в дальнем углу сада, и дом Гейблов, также погруженный в темноту.

Макс услышал, как за его спиной открылась дверь, и, оглянувшись, увидел в освещенном дверном проеме фигуру мужчины с ружьем наперевес.

Макс прижался к стене и замер. В его планы не входило оповещать весь город о том, что он собирается пробраться к Энн.

– Отсюда выхода нет! – рывкнул мужчина и вышел во

двор, продолжая целиться в темноту. – Поднимай руки вверх и выходи на свет!

Стараясь двигаться бесшумно, Макс соскользнул на землю с противоположной стороны стены, согнувшись, перебежал через дворик и посмотрел в щель деревянной изгороди на боковую улочку. «Вольво» Энн стоял именно там, где Макс надеялся его увидеть. Макс пробрался к входной двери, расположенной под единственным освещенным окном, и негромко постучал. Никто не отозвался – скорее всего, этого робкого стука никто и не слышал. Тогда он позвонил – звонок был таким громким, что Макс вздрогнул.

Макс ждал, опершись рукой о входную дверь, но из дома не доносилось ни звука. Наконец, замяукала кошка.

«Вот кто мне поможет, – подумал Макс, – если Энни не захочет открыть, ей все-таки придется спуститься в прихожую, чтобы забрать наверх любимое животное».

«Не уходи, Ирен, – мысленно взмолился Макс, – прошу тебя».

Он простоял в тишине минут десять, потом позвонил снова. На этот раз он давил на звонок долго и упорно. Послышались легкие шаги, и за матовым дверным стеклом Макс увидел фигуру Энн. Он снял палец с кнопки звонка и замер в ожидании. Энн открыла засов, отперла дверь и чуть приоткрыла ее на ширину дверной цепочки, которую она предусмотрительно не сняла.

– Это Уазо посоветовала тебе зайти отсюда? – спросила

Энн.

– Нет.

– Нет, говоришь? – задумчиво протянула Энн. – Ну, я так не думаю. Не важно. Если она это сделала, так только потому, что беспокоится за меня и хочет помочь.

– Славная женщина – смешная немного, – ответил Макс.

– Иметь дар предвидения – не значит быть смешной! – возразила девушка.

Она взяла кошку на руки и положила себе на плечо так, что ее задние лапы свисали вниз.

– Но я этого не говорил...

– Нет, говорил!

Раньше Макс не замечал, чтобы Энн спешила с выводами, да еще спорила с такой напористостью. Это свойство некоторых людей всегда бесило его – сначала вобьют себе в голову какой-нибудь бред, а потом ни за что не желают с ним расстаться. Он начинал злиться.

– Она – смешная, – повторил он, – люди смеются над тем, что она говорит и что делает! И по-моему, ей это нравится.

Макс поймал себя на том, что слишком горячится по какому-то пустяку.

– Это у нее в крови, – согласилась Энн, – она любит смешить людей и счастлива, когда это удастся.

Макс решил, что пора тему менять – он не хотел вдаваться в рассуждения о достоинствах и недостатках Уазо.

– Послушай, – сказал он, успокоившись, – у тебя сегодня

тяжелый день. Слишком много всего случилось.

– Да и у тебя не лучше, – подхватила Энн, – ты узнал, что пропала подруга. Так что нам обоим сегодня досталось. Хочешь зайти на минутку?

– Хочу. Я надеялся, что пригласишь, – ответил Макс. Он не мог не думать о Бобби. Почему этот тип разыскал Энн после стольких лет? Почему хотел опорочить ее? Надо выяснить, в чем дело, и заставить его заткнуться.

Энн впустила Макса в дом и стала подниматься по лестнице. Макс пошел следом, а Ирен, удобно устроившись на плече хозяйки, недоброжелательно поглядывала на незваного гостя. Макс не удержался и скорчил ей рожу. Ирен не осталась в долгу и зашипела, показав все свои острые зубки.

Поднявшись на второй этаж, они оказались в просторной гостиной с большими окнами, выходящими на площадь.

– А у тебя тут хорошо, – заметил Макс, – квартира совсем как новая.

– Элли и Джо сделали ремонт на втором этаже. Кухню перделали в столовую, а спальню – в кухню. Убрали перегородку между двумя квартирами, сделали большую спальню, вторую спальню для гостей и маленький кабинет.

– Объединили две квартиры? Так у тебя самая крутая хаза в городе.

Мебели в комнатах почти не было. В гостиной стоял белоснежный диван, на котором, казалось, никто никогда не сидел, и красный лаковый сундучок, который использовали

как кофейный столик. Следы на белом ковре указывали путь на кухню и в спальню. Столовая была совсем без мебели, и, похоже, туда вообще не заходили.

– Показать тебе, где ванная? – спросила Энн.

– Нет, спасибо, – ответил Макс и подумал, что он разгуливает по квартире Энн как инспектор. – У тебя отличная квартира, столько свободного пространства...

– ...С которым нужно поработать? – продолжила его мысль Энн и улыбнулась. Макс и не знал, что у нее такая лучезарная улыбка, от которой становилось светлее. – Я здесь живу всего семь месяцев – просто не было времени заняться квартирой.

– Ты можешь не спешить, меблировка – дело серьезное, – сказал Макс. Этот вежливый разговор ни о чем начинал его раздражать – два взрослых человека пытаются заполнить тишину бессмысленной болтовней о чем угодно, лишь бы не коснуться тех вопросов, которые волнуют их больше всего.

Энн стояла, скрестив руки под грудью, на которую Макс смотрел с большим удовольствием. Ему нравилось разглядывать ее ладную фигурку, обтянутые джинсами стройные ноги и белую блузку без единой морщинки.

Для Энн не было ничего нового в том, что мужчина рассматривает ее, – она привыкла к оценивающим взглядам, – но первый раз в жизни ей хотелось казаться безупречной во всем.

Макс никогда не вел себя так, вернее, никогда раньше не

вел. Они были просто друзьями, иногда целовались при прощании, иногда обнимались при встрече, но никогда даже намека на возможность большей близости между ними не возникало. Макс ни разу не дал ей понять, что хотел большего.

От напряжения Энн похолодела, перестала чувствовать кончики пальцев. Желание давало о себе знать пульсирующей болью во всем теле. Ей хотелось опуститься на колени, скинуть одежду, которая казалась сейчас лишней, и оказаться в его объятиях. Хотелось, чтобы он обнял ее за плечи и защитил от всего мира. Энн глубоко вздохнула и встряхнула головой. Надо подойти к окну и открыть его настежь. Поток свежего воздуха ослабит эту напряженность, которая возникла между ними, подумала девушка. Но ведь он не может знать, что она чувствует. И вряд ли он чувствует так же, как она.

– Ты слишком много работаешь. – Макс посмотрел на нее и вздохнул. Его глаза подернулись поволокой, он смотрел на Энн виновато, или ей только показалось?

– У меня никогда раньше не было своего жилья. В Пойнт-Юде я жила вместе с двоюродной сестрой Элин и ее сыном.

– Но раньше ты жила в Сент-Мартинвилле?

Энн сделала героическую попытку выглядеть спокойной – но у нее это плохо получилось. Ноги были как ватные, грудь стала тяжелой, девушка ощутила легкое покалывание по всему телу. Но, самое странное, ей совсем не хотелось расставаться с этими давно забытыми ощущениями.

Энн надеялась, что Макс не понимает, что с ней происходит. Не понимает и не чувствует. Или все-таки чувствует?

– Я никогда не говорила тебе, что жила в Сент-Мартинвилле, – ответила Энн.

– Не важно, говорила или нет, но, когда мы въехали в город сегодня, я понял, что он для тебя не чужой. Но это совсем не важно.

Для Энн это было безусловно важно.

– Я выросла в Сент-Мартинвилле.

– Но ты не любишь это место, верно?

– Ну, это твои домыслы. – Энн не хотела возвращаться в прошлое. – Хотя ты прав, конечно. Я ненавижу это место, ненавижу!

– Энн, что с тобой? Ты в порядке? Я совсем не хотел тебя огорчить!

Энн боялась, что Макс спросит о Бобби Колберте. Она даже имени этого не могла произнести спокойно. К черту Колберта! Энн могла думать только о Максе. Он был так близко, а девушка так далеко унеслась в своем воображении, что почти физически ощущала, как он ласкает ее. Чтобы не застонать, Энн прикрыла рот рукой и взглянула на Макса. Он был занят своими мыслями и не заметил ее смутения.

– Я принесу вина – выпьешь со мной? – спросил Макс, проведя рукой по волосам.

– Белое холодное вино? Отлично! – ответила Энн, густо покраснев, приложила ладони к своим пылающим щекам и

рассмеялась над собой. Пора бы перестать смущаться по пустякам.

– Пойду и принесу, – сказал Макс и отправился на кухню, поразившую его чистотой и пустотой.

Белое дерево, столешницы из черного гранита и обилие нержавеющей стали – очень современно и удобно, хотя невооруженным глазом было видно, что кухней хозяйка пользовалась не чаще, чем столовой или гостиной.

Оставшись один, Макс попытался снять напряжение. Он привык держать на привязи свои инстинкты, и ему это неплохо удавалось. Он пытался начать новую жизнь, а для этого необходимо было держаться подальше от женщин. Последствия этого длительного поста были слишком очевидны.

Макс тряхнул головой, открыл холодильник, достал бутылку «Пино Грижио» и огляделся вокруг в поисках штопора.

– Штопор для бутылок в ящике. – Энн стояла у него за спиной.

Она открыла ящик, в котором кроме штопора ничего не было, протянула штопор Максу и пошла к буфету. Там нашлось несколько бокалов для вина. Макс взял два, налил в один немного вина и торжественно поднес к носу.

– Мягкое, но в меру крепкое, пожалуй даже терпкое. Привкус белого шоколада и легкий запах фруктовой запеканки. Потрясающе! Восхитительно!

Энн рассмеялась и легонько стукнула его по руке. Но ни ее

смех, ни глуповатая шутка Макса по поводу вина не смогли разрядить напряженность между ними.

– Берем вино и идем в комнату, – сказала Энн, взяла бокал из рук Макса и вышла из кухни.

Макс пошел следом и задержался у выходящего на площадь окна, за которым сверкала иллюминация.

– Похоже, они забыли убрать рождественские лампочки. Как ты думаешь, оставят до следующего Рождества?

– Не знаю, у меня это первое Рождество здесь, – ответила Энн, – знаешь, как ни смешно, я люблю рождественскую иллюминацию. Хорошо, как в детстве. Наверное, они просто забыли переключить таймер, или что там у них, – вот праздник и не кончается.

– По мне – чем больше блеска, тем лучше. Мои родители украшают дом на Рождество, и он становится похож на пещеру Аладдина. Роджер тоже любит рождественский блеск, чего не скажешь о Келли. Он считает все это ненужной мишурой и, если бы мама ему позволила, пригласил бы дизайнеров для украшения дома. К счастью, мама этого не допускает.

– А ты намного выше меня. – Энн взяла Макса за руку и повернула его лицом к себе.

– «Люблю, когда меня окидывает взглядом женщина моя!» – продекламировал Макс – и сразу пожалел об этом. *Дурацкая шутка. Энни не была его женщиной.*

– Давай постоим у окна. Люблю смотреть на огоньки на

деревьях. Если ты встанешь на колени у подоконника, сможешь использовать его как столик.

Энн скинула туфли и босиком обошла комнату, по очереди выключая все светильники.

– Ты темноты не боишься? – спросила она перед тем, как выключить последний.

– Пожалуй, я это перенесу, – ответил Макс.

Комната погрузилась в темноту. Только за окном мерцал свет. Энн устроилась у подоконника рядом с Максом. Они не спеша потягивали вино и смотрели на площадь, на деревья, по веткам которых перебегали разноцветные огоньки.

– Всегда вспоминаю детство в такие моменты. Не то чтобы я часто украшала дом на Рождество. Но это как ностальгия – запах детства, ощущение праздника. Еще бы снег пошел...

– Ну, ты размечталась... Но я тебя хорошо понимаю. Чувствую то же самое. Спина не устала? – спросил Макс и обнял девушку за талию. – Я ее поддержу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.